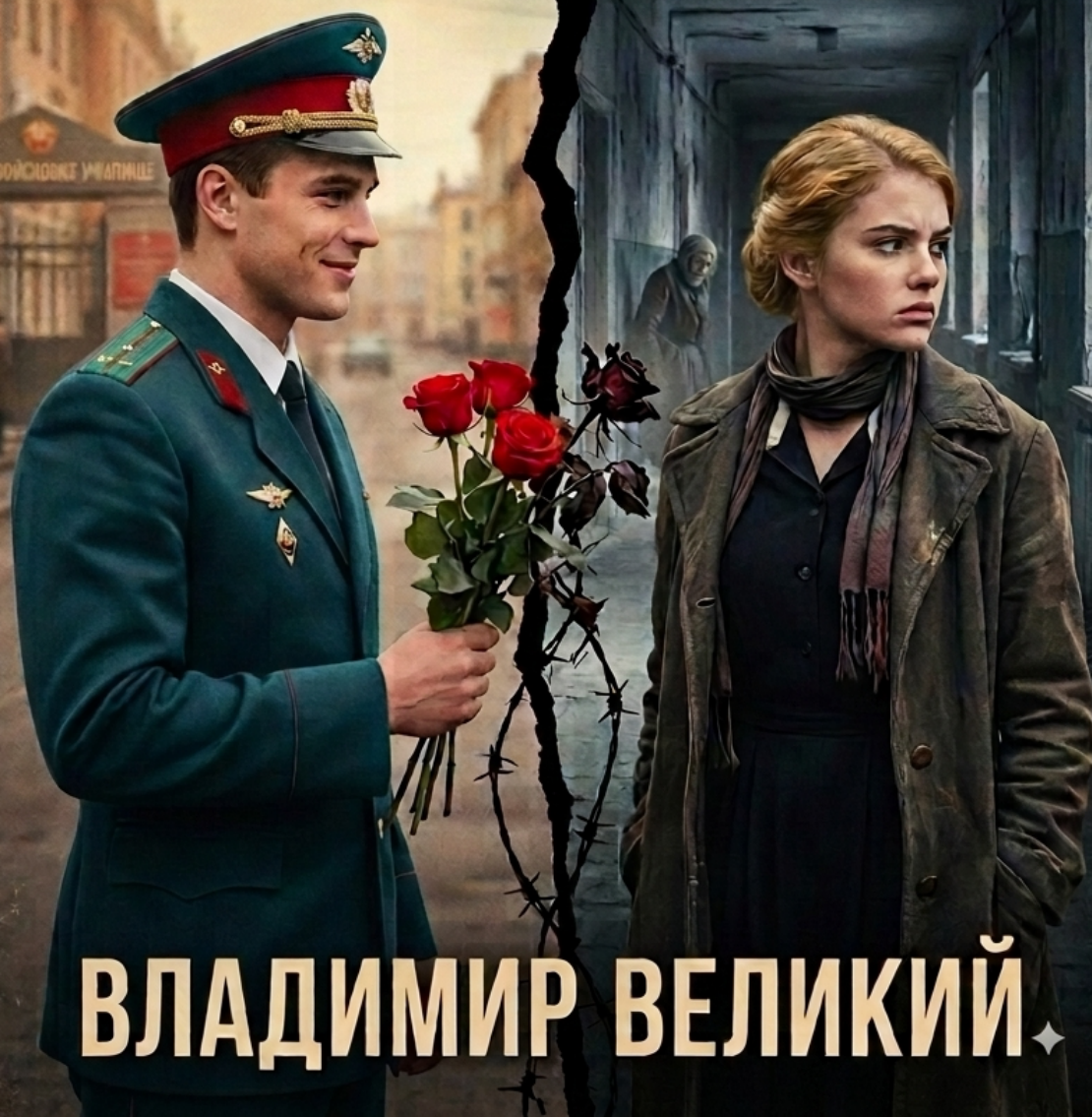

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

РОМАН

Владимир Великий

Любовь и ненависть

Роман

Штутгарт

2026

Штутгарт / 2026 / Авторское издание

Роман

Печатается в авторской редакции

Великий Владимир

Любовь и ненависть. Штутгарт: Авторское издание. 2026. — 315 с.

ISBN 978-3-00-084965-7

«Любовь и ненависть» — это история о несчастной любви, человеческой жестокости и цене, которую приходится платить за ненависть. Роман заставляет задуматься о том, можно ли разрушить чужую судьбу и при этом сохранить собственную — и что остаётся человеку, когда месть становится смыслом всей его жизни.

Владимир Великий

Авторское издание

Штутгарт - 2026

© Владимир Великий, 2026

Все права принадлежат автору. Без письменного разрешения автора воспроизведение книги или ее частей в любой форме запрещено.

ISBN 978-3-00-084965-7

С о д е р ж а н и е

Глава первая

На пути в иной мир.....

Глава вторая

Перекасти-поле.....

Глава третья

Сад, который не расцвел.....

Глава четвертая

Пленники собственного выбора.....

Глава пятая

Карьера, которой не стало.....

Глава шестая

Враги в собственном доме.....

Глава седьмая

Двое на разных берегах.....

Из жизни автора.....

Глава первая

На пути в иной мир

Дождь моросил с самого утра.

Он начался в ту минуту, когда из забытой Богом сибирской деревушки с простым русским названием Степановка медленно выкатилась старая телега. В нее была запряжена дряхлая лошадь неопределенной масти — то ли рыжей, то ли выгоревшей от времени до красноватого оттенка. Ее впалые бока, потускневшая грива и усталый взгляд говорили о долгой жизни, наполненной тяжелой работой и скудным кормом.

Лошадь словно была отражением своих хозяев.

На телеге сидели двое стариков — мужчина и женщина. Оба давно переступили возраст, когда человек строит планы. Их лица избороздили глубокие морщины, руки стали жилистыми и сухими, а глаза смотрели на мир спокойно, словно уже ничему не удивлялись. Они были почти ровесниками и прожили одинаково нелегкую жизнь, хотя знали друг о друге удивительно мало.

В Степановке это давно стало обычным.

Когда-то деревня жила полной жизнью. Весной над полями гремели тракторы, на ферме мычали коровы, в школьном дворе звенели детские голоса. По вечерам молодежь собиралась у клуба, играла гармонь, устраивались танцы, шумели свадьбы. Почти в каждом дворе появились мотоциклы, а из открытых окон домов звучала музыка.

Казалось, так будет всегда.

Но годы оказались сильнее человеческих надежд.

Молодежь уехала в города. Закрылась школа. Опустела ферма. Заросли поля. Один за другим заколачивались дома. Теперь лишь ветер свободно гулял по пустым улицам, да из десятка оставшихся изб по вечерам поднимался жидкий дым.

Особым местом для жителей был старый яблоневый сад.

Его посадили в честь двадцатилетия Победы. Каждую весну сюда приходила вся деревня — от малышей до седых ветеранов. Здесь вспоминали почти полсотни земляков, не вернувшихся с войны. Их имена были известны каждому ребенку.

Теперь сад тоже старел.

Многие деревья давно высохли, другие еще продолжали цвести каждую весну, словно не желали мириться с человеческим забвением.

Дождь тихо барабанил по телеге.

Михаил Носков молча правил лошадью. Говорить не хотелось.

Да и о чем?

Когда-то после окончания восьмилетки он, как и многие деревенские ребята, мечтал покорить город. Выучился на каменщика, несколько лет строил дома, надеялся получить квартиру, создать семью, начать новую жизнь.

Но город оказался равнодушным.

Квартира так и осталась обещанием, семья не сложилась, и Михаил вернулся в родную Степановку. Здесь прошла почти вся его жизнь — тихая, тяжелая и небогатая. Он честно работал, растил детей, но большого достатка так и не нажил.

О женщине, сидевшей рядом, он почти ничего не знал.

Впрочем, как и остальные жители деревни.

Ее звали Ирина Сорокоумова. Несколько лет назад она приехала к своей давней подруге Валентине Курносовой. Где и когда они познакомились — никто толком не знал. Да и сами женщины никогда об этом не рассказывали.

После смерти Валентинино отца они поселились вместе в старом покосившемся доме.

Очень быстро стали друг другу почти родными.

В магазин ходили вдвоем.

Вместе носили воду.

Вместе собирали ягоды и грибы.

Летом часами сидели на старенькой лавочке возле покосившихся ворот, встречая закаты и вспоминая прожитую жизнь. Зимой сообща разгребали снег, чтобы можно было выбраться к дороге.

На большее сил уже не было.

Особенно тяжело приходилось зимой.

Пенсий едва хватало на продукты и лекарства. Купить машину дров было настоящей роскошью, а нанять кого-нибудь, чтобы распилить и расколоть поленья, женщины даже не мечтали.

Спасались как могли.

Топили печь старой мебелью, сломанными досками, иногда и тем, что оставалось после разрушенных построек односельчан, убежавших в город. По ночам спали вдвоем на старой панцирной кровати, согревая друг друга собственным теплом.

И все же прошлой зимой судьба неожиданно улыбнулась им.

На окраине деревни пустовал крепкий дом с большим огородом.

Весной туда приехал новый хозяин — высокий крепкий мужчина лет сорока пяти. Он оказался майором запаса Владимиром

Ивановичем Черкасовым. Говорил спокойно, уверенно, без лишних слов. Рассказал, что много лет прослужил на Севере, а теперь решил обосноваться в деревне.

Сначала приехал на новеньком «Москвиче», а через неделю пригнал грузовик с досками, инструментами и строительными материалами.

Работа закипела.

Черкасов быстро привел участок в порядок и постепенно начал восстанавливать старый дом.

Старушки сразу прониклись к нему уважением.

Во время знакомства они лишь вскользь пожаловались на трудности с дровами.

Через несколько дней к их двору подъехал грузовик.

Владимир Иванович привез целую машину сухостоя.

Сам распилил бревна.

Сам расколол их.

Сам аккуратно сложил поленницу.

За работу не взял ни копейки, хотя женщины долго уговаривали принять хотя бы деньги или бутылку домашнего самогона.

Он только улыбнулся.

— Оставьте... Вам самим нужнее.

Для двух старушек этот человек стал почти родным.

Но счастье оказалось недолгим.

Летом Черкасов поехал в Омск за женой и дочерью. Хотел показать им новый дом, перевезти вещи и окончательно перебраться в Степановку.

Вернулся через несколько дней.

И замер.

От недавно отремонтированного дома почти ничего не осталось.

Черные обгоревшие стены, груды головешек и тяжелый запах пожарища.

Кто-то умышленно сжег его жилье.

Вся деревня говорила о поджоге.

Но никто ничего не видел.

Или не хотел видеть.

Когда Курносова и Сорокоумова подошли к пепелищу, Владимир Иванович встретил их неожиданно спокойно.

Обнял обеих и тихо сказал:

— Не переживайте... Я их найду. От разведчика еще никто не уходил.

Валентина перекрестилась.

— Мы в этом не сомневаемся, Владимир Иванович... Я только думаю...

Она осеклась.

Никого обвинять не хотелось.

Да и страшно было.

Год назад неизвестные разгромили пустующую кирпичную школу: выбили окна, переломали парты, уничтожили все, что еще можно было сохранить.

Зло постепенно становилось привычным.

Черкасов отвел жену и дочь в сторону. Они недолго посовещались, после чего он открыл багажник машины.

Из него появились два больших картонных ящика.

Консервы, крупы, сахар, масло, сладости, соки...

Он молча поставил их перед старушками.

Женщины долго благодарили семью, смущенно вытирая слезы уголками платков.

Таких запасов продуктов они не видели уже много лет.

Когда автомобиль медленно покатился прочь, они еще долго стояли на дороге и смотрели ему вслед.

Больше майор запаса Владимир Иванович Черкасов в Степановку не возвращался.

Прошел год.

Потом второй.

На месте его несбывшейся мечты так и остался черный обугленный остов дома — молчаливый памятник человеческой зависти и гибели деревни, которая еще была жива, но уже медленно превращалась в собственный призрак.

Жизнь Ирины Сорокоумовой в затерянной среди сибирской тайги Степановке день за днем убеждала ее в страшной мысли: умирала не только деревня — умирал привычный уклад жизни, умирала вера людей в завтрашний день.

Когда она впервые приехала сюда, Степановка поразила ее. Деревня напоминала кадры старой военной хроники: покосившиеся дома, провалившиеся крыши, пустые дворы, заросшие бурьяном улицы. В молодости Ирина не застала войны, но хорошо помнила документальные фильмы и фотографии разрушенных городов. Только тогда люди жили надеждой. Они

восстанавливали страну, строили дома, растили детей, мечтали о будущем.

Теперь же не было ни надежды, ни будущего.

Никто не строил новых домов. Никто не заводил скотину. Пустовали сараи, сгнили изгороди, исчезли голоса коров и петухов, которые когда-то встречали каждое утро.

Каждый жил сам по себе.

Вернее — каждый просто пытался дожить.

Ирина ничем не отличалась от остальных. Сил не осталось ни физических, ни душевных. Жизнь словно медленно вытекала из нее, капля за каплей.

Да и откуда было взяться этим силам?

В деревне остались в основном старики. Государство давно забыло о них, а дети и внуки жили далеко. Лишь изредка летом кто-нибудь приезжал на день-другой — собрать ягоды, грибы или выкопать картошку. Потом машины снова исчезали в клубах пыли, увозя родственников обратно в города.

Старики снова оставались одни.

Держать хозяйство было невозможно. Даже несколько кур превращались в роскошь. На скромную пенсию, заработанную за сорок или пятьдесят лет тяжелого труда, едва хватало хлеба, сахара, крупы и лекарств.

Летом жители еще оживали. Кто-то копался на огороде, кто-то медленно брел в лес за грибами и ягодами. Зимой жизнь почти замирала. Люди часами сидели у окон, наблюдая пустую дорогу в надежде увидеть хоть одного прохожего. Но дорога чаще всего оставалась безлюдной.

Осенью исчезло последнее, что еще связывало Степановку с ее прошлым.

Бывший управляющий хозяйством Александр Петрович Никитин отправил на мясокомбинат двух последних бычков — жалкие остатки огромного когда-то животноводческого комплекса. Провожая машину, он долго стоял молча, будто хоронил не животных, а всю свою жизнь.

Вскоре закрыли и сельский клуб.

Молодежи в деревне давно не осталось, а старикам, которым перевалило за семьдесят, было уже не до концертов и танцев.

Потом исчез и магазин.

Вот это стало настоящей бедой.

Без клуба можно прожить.

Без хлеба — нет.

Через несколько дней жители собрались и пошли к Никитину.

Когда-то его побаивались. Высокий, крепкий, требовательный, он не прощал пьянства и лени. Теперь же наказывать было некого — работы больше не существовало. Осталась только общая беда.

Через месяц вопрос удалось решить.

Раз в неделю в деревню приезжал небольшой зеленый фургон, удивительно похожий на армейскую санитарную машину. Старики быстро окрестили его просто — «Санитарка».

Выбор товаров был невелик: хлеб, сахар, молоко, соль, крупа, мыло, спички.

Большого большинство жителей все равно позволить себе не могло.

Стирали белье вручную, в старых оцинкованных тазах. Советские стиральные машины давно вышли из строя. Телевизоры работали лишь в нескольких домах, да и те чаще молчали — денег на ремонт не было.

Холодильники тоже почти исчезли.

Да и хранить в них было особенно нечего.

Иногда сюда приезжали мастера — телевизионщики, электрики, механики.

Но обращаться к ним почти никто не решался.

Ремонт стоил дороже месячной пенсии.

Проблем добавляло электричество. Изношенные линии постоянно выходили из строя. Старые деревянные столбы падали от сильного ветра, провода рвались, и деревня на несколько дней, а иногда и недель, оставалась без света.

Но самым страшным становились природные бедствия.

Весенние паводки, лесные пожары или осенние ураганы надолго отрезали Степановку от внешнего мира. Районные власти только разводили руками, ожидая помощи из области. А люди ждали. Терпели. Надеялись.

Молодой водитель «Санитарки», который одновременно был и продавцом, прекрасно понимал жизнь этих людей. Он никогда не привозил дорогих продуктов, потому что знал — их все равно никто не купит.

Каждый раз, уезжая из деревни, он невольно смотрел на старое кладбище, раскинувшееся всего в нескольких сотнях метров. Оно давно заросло высокой травой и бурьяном, ограды покосились, кресты почернели от времени.

Там лежал его армейский товарищ — афганец.

Молчание кучера было Ирине Сорокоумовой сейчас дороже любых разговоров.

Моросящий дождь почти перестал раздражать. Она плотнее натянула старенький дождевик, поджала ноги, пытаясь сохранить остатки тепла.

До дома престарелых в соседней деревне с громким названием «Путь коммунизма» оставалось около двадцати километров.

Она никогда там не была.

Никогда даже представить не могла, что именно там ей предстоит встретить последние годы своей жизни.

О доме инвалидов — так его чаще называли местные — ходили недобрые слухи. Совсем недавно арестовали директора и главного бухгалтера за хищение продуктов и махинации с документами. Хорошего от нового пристанища никто не ждал.

Но выбора уже не существовало.

Еще месяц назад Ирина надеялась доживать век вместе с подругой Валентиной Курносовой.

Однако судьба распорядилась иначе.

У Валентины неожиданно объявился дальний родственник из Омска. Тяжело заболев, он пригласил женщину переехать к нему. Возможно, перед смертью ему захотелось хоть чем-то искупить равнодушие прошлых лет.

Валентина предлагала Ирине остаться жить в ее доме.

Но Сорокоумова отказалась.

Она не хотела становиться обузой. Да и здоровье стремительно ухудшалось. Ноги почти перестали слушаться, а денег на лечение давно не было.

Неожиданную надежду принес приезд районного руководства.

Как и прежде, чиновники щедро раздавали обещания, которые редко меняли жизнь деревни. Но на этот раз Валентина сумела поговорить с заместителем главы администрации Андреем Жуковым.

Выяснилось, что его отец когда-то был знаком с одной из жительниц Степановки.

Услышав эту историю, Андрей неожиданно проникся судьбой старушек и пообещал помочь.

Свою давнюю историю знакомства с его отцом Валентина благоразумно оставила при себе.

Когда-то она была красивой студенткой, мечтавшей о счастливой жизни. Их роман закончился так же быстро, как и начался. Жена чиновника поставила мужу жесткий выбор: семья или любовница.

Он выбрал семью.

Прошрое осталось прошлым.

Ирина никогда не расспрашивала подругу о ее молодости.

У каждого человека были свои тайны.

Сейчас это уже не имело никакого значения.

Главное — ей нашлось место в доме престарелых.

Там хотя бы будут кормить.

А когда придет ее час, похоронят по-человечески.

Может быть, совсем рядом с деревней, которая по странной иронии судьбы до сих пор носила название «Путь коммунизма».

Телега мерно покачивалась на разбитой дороге.

Под тихий шелест дождя Ирина закрыла глаза, и память медленно унесла ее туда, где она была молодой, счастливой и еще не знала, какой долгой может оказаться человеческая жизнь.

Глава вторая

Перекаати-поле

Ирина почти ничего не знала о собственном детстве. Уже став взрослой, она ни разу не пыталась расспросить родителей о том, как появилась на свет, какой была в первые годы жизни, чем отличалась от других детей. Да и сами отец с матерью не любили вспоминать прошлое, словно оно было книгой, которую лучше держать закрытой.

Лишь изредка, в минуты особой откровенности, они рассказывали дочери отдельные истории из своей молодости. Эти случайные воспоминания, обрывки чужой жизни, навсегда отпечатались в памяти Ирины. Из них постепенно складывалась картина прошлого — сурового, бедного и по-своему удивительного.

Ранним летним утром Михаил Сорокоумов возвращался с ночного выпаса. Позади остались заливные луга, влажная от росы трава и медленно бредущее стадо. Его верный конь Садко — никто уже и не помнил, почему жеребца когда-то так называли, — устало переступал по размытой дороге.

Когда до деревни оставалось совсем немного, небо вдруг почернело. Ветер пригнул высокую полынь, и почти сразу хлынул такой ливень, будто разверзлись небеса.

Через несколько минут единственная шоссейная дорога, соединявшая Усовку с районным центром, превратилась в вязкое месиво. Впрочем, и в сухую погоду назвать её дорогой язык поворачивался с трудом.

На сельских собраниях начальство не уставало говорить о её стратегической важности. Обещания звучали из года в год, но дальше разговоров дело не двигалось. Всего-то пять километров отделяли деревню от райцентра. Покрыть асфальтом — казалось бы, пустяк. Зато возле домов директора совхоза и секретаря

парткома давно красовались аккуратные асфальтированные площадки.

Жители Усовки не скрывали своей неприязни к начальству. Новый директор совхоза Виктор Шиповалов появился здесь совсем недавно — молодой, чуть старше тридцати, с заметными залысинами и уверенными манерами человека, привыкшего командовать. Секретарь парторганизации Виталий Канарейкин был ещё моложе. Оба — приезжие.

В деревне судачили, что без знакомств и нужных связей в Советском Союзе таких должностей не получали. Так думали многие. Так думал и Михаил Сорокоумов.

Впрочем, завидовать он не привык. Родители его всю жизнь перебивались случайными заработками. Таких людей в деревне называли перекати-поле — без крепких корней, без достатка, без опоры. Нечем было похвастаться и его жене Людмиле: выросла она в такой же бедной семье.

Когда впереди показалась покосившаяся избушка Сорокоумовых, стоявшая на повороте дороги, Михаил заметил чёрную «Волгу» ГАЗ-24.

Её появление его не удивило. Ещё издали, когда он треножил коня, машина мелькнула возле совхозного склада, где хранились лучшие продукты хозяйства: свежее мясо, подсолнечное масло, мёд и всё то, что редко попадало на стол простых колхозников.

Каждый в Усовке прекрасно знал, что районное начальство навещается сюда не по служебной необходимости. Обычно сами большие начальники предпочитали не показываться — за «дефицитом» приезжали водители или доверенные люди.

Михаил ускорил шаг.

«Волга» лежала в придорожном кювете, глубоко увязнув в раскисшей земле. Видно было, что водитель не раз пытался выбраться самостоятельно: колёса вырыли глубокие борозды, грязь разлетелась во все стороны.

Рядом стоял молодой парень лет двадцати пяти. Он то хватался за голову, то с досадой сплёвывал себе под ноги.

Сорокоумов молча осмотрел машину, покачал головой и наконец произнёс:

— Крепко засел... Один точно не вытащишь.

Парень устало вытер мокрое лицо.

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Над полями уже пробивались первые солнечные лучи.

— Это уж точно, — тяжело вздохнул водитель. — Я ведь утром говорил начальнику: будет дождь. Не послушал. Отправил в такую глушь за мёдом. Жене, видите ли, свежего захотелось.

Михаил лишь понимающе усмехнулся.

Эту машину в районе знали многие. Она принадлежала первому секретарю райкома партии Александру Куликову. Кто именно сегодня сидел в автомобиле — сам секретарь или кто-то из его приближённых, Сорокумова совершенно не интересовало.

Чужая жизнь волновала его куда меньше собственной.

Работа занимала почти всё его время. Летом — пастбища, зимой — ферма. А когда выдавался свободный вечер, он ложился на старенький диван, смотрел телевизор или просто спал. Книги Михаил не любил, считая их пустой забавой. Большого хозяйства они с Людмилой не держали. Детей тоже не было.

Иногда ему казалось, что жизнь течёт мимо, как вода в весеннем овраге: тихо, однообразно и без всякой надежды что-либо изменить.

После недолгого совещания мужчины пришли к неутешительному выводу: своими силами вытащить «Волгу» из глубокой канавы невозможно. Даже жилистый пастух, привыкший к тяжёлой деревенской работе, здесь был бессилен. Оставалось искать помощь.

Однако надежды таяли с каждой минутой. В Усовке имелись два трактора «Беларусь», но оба оказались бесполезны. Один уже несколько недель стоял в ремонте, а второй был исправен, только тракториста не было. Пожилой механизатор вместе с больной женой уехал в районную поликлинику.

Михаил Сорокоумов во время учёбы в профессионально-техническом училище несколько раз сидел за рычагами трактора. Но одно дело — осторожно вывести машину на учебное поле, и совсем другое — доверить себе дорогую начальственную «Волгу». Если бы речь шла о телеге с дровами, прицепе с картошкой или застрявшей сенокосилке, он не раздумывал бы ни минуты. Здесь же цена ошибки была слишком высокой.

Неожиданно Михаил предложил свой план.

Николай, водитель «Волги», выслушал его без особого энтузиазма. План казался рискованным, но другого выхода всё равно не было.

— Я скачу в Аксёново, — решительно сказал Михаил. — Попрошу помощи в совхозе. А ты оставайся здесь. Может, всё-таки повезёт, и какой-нибудь трактор появится.

Николай тяжело вздохнул и кивнул. Оставалось только ждать.

Пастух не ошибся.

Едва он выехал на своём верном Садко на дорогу, идущей из районного центра в его родную деревню, как позади раздался стремительно нарастающий рёв мощного двигателя. Через несколько секунд его лихо обогнал колесный трактор «Кировец» К-700.

За рулём сидел молодой парень — скорее всего, недавний выпускник местного училища. Он распахнул боковое окно, широко улыбнулся и, перекрывая грохот двигателя, весело прокричал:

— Эй, деревня! Большой привет! Догоняй!

Сорокоумов лишь молча проводил взглядом удалявшийся трактор. Он чуть привстал в стремях, крепче сжал поводья и невольно оскалился в улыбке. Отвечать не хотелось.

Деревенская жизнь давно перестала казаться ему родной. Она словно затягивала в трясины однообразных забот, из которой не было выхода.

Настоящей жизни он почти не видел.

С раннего утра и до позднего вечера Михаил пропадал на ферме. Возил воду и корма, развозил силос, убирал навоз. Огромные кучи перегнившей органики возле скотных дворов были делом его рук — скотника Сорокоумова, которого в Усовке заслуженно считали одним из лучших животноводов.

Летом становилось немного легче. Совхозное стадо уходило на бескрайние сибирские пастбища. Коровы быстро набирали вес, дойные бурёнки исправно наполняли молоком тяжёлые вымя, а вместе с ними облегчённо вздыхали и пастухи.

Но и у этой работы были свои испытания.

После долгих часов в седле начинала нестерпимо ныть поясница, затекали ноги, а боль становилась такой привычной, что Михаил время от времени спешился прямо посреди степи и делал несколько приседаний. Иногда помогало. Иногда — нет.

Солнце тоже не щадило пастуха. Оно день за днём выжигало кожу, покрывая лицо и руки густым бронзовым загаром. В особенно жаркие годы зной превращался в настоящее бедствие.

Однажды засуха оказалась такой сильной, что трава почти полностью выгорела. Полсотни совхозных коров за считанные часы объедали редкую пожелтевшую растительность.

Тогда Михаил перегонял стадо к небольшому озеру Росинка. Его берега густо заросли камышом, а в воде ещё сохранялась сочная зелень. Здесь животные могли напиться, укрыться от палящего

солнца и хоть ненадолго избавиться от полчищ комаров и злых паутов.

Но даже это спасение нередко оборачивалось новой бедой.

Местные жители вставали стеной.

Почти в каждом дворе держали собственную корову, овец или телят. Для них каждый клочок травы был на вес золота. Сено означало, переживёт ли хозяйство долгую сибирскую зиму.

Иногда сельчане подходили к Михаилу открыто, без всяких церемоний. Несмотря на его богатырский рост, они не стеснялись угрожать.

— Ещё раз загонишь совхозных коров на наши покосы — всех перекалечим! — кричали самые горячие.

Подобные слова тяжёлым грузом ложились на сердце пастуха. Он понимал и соседей, и руководство совхоза, но оказался между двух огней. Потерять работу он боялся больше всего, хотя заработка едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

Не легче было и тогда, когда он пас частный скот. Здесь всё измерялось не молоком и не привесом. Чем больше взрослых коров в стаде, тем выше заработок. За телят и овец платили сущие копейки.

Размышляя обо всём этом, Сорокоумов почти не замечал дороги.

Внезапно солнце вырвалось из-за тяжёлых облаков и яркими лучами залило степь. Всё вокруг словно ожило. Золотом вспыхнули травы, заблестели лужицы в колеях, серебром засверкала грива Садко.

Михаил приподнялся в стременах, глубоко вдохнул тёплый воздух и невольно улыбнулся. Он поднял руку, будто приветствуя вечное светило, затем внимательно посмотрел вперёд.

И вдруг замер.

Вдали происходило что-то совершенно неожиданное.

Возле небольшого берёзового колка одиноко стояли трактор К-700 и знакомая чёрная «Волга». Место для остановки выбрали не случайно.

Прямо перед выездом из деревни находилось небольшое углубление — бывший котлован размером примерно пять на десять метров. Глубиной он был всего около метра, но в дождливые дни превращался в мутный пруд. В засуху вода уходила не полностью, оставляя после себя вязкую грязь и белёсый соляной налёт по краям.

Когда-то районные начальники решили устроить здесь водопой для скота — как совхозного, так и личного. Начали рыть, вложили силы, технику, время... А потом всё бросили. Вода оказалась слишком солёной и для животных почти непригодной.

Да и вообще с водой в деревне было непросто. Из местных колодцев её пить нельзя было ни людям, ни скотине. Питьевую воду привозили из районного центра Аксеново — её брали из Иртыша и после специальной очистки доставляли в село.

Михаил Сорокоумов слегка хлопнул ладонью по крупу своей лошади и направился к небольшому водоёму. Через несколько минут он уже был возле машины.

С коня он спрыгнул ловко, по-молодецки. Улыбнулся своей широкой, открытой улыбкой и весело проговорил:

— Привет городским! Вижу, без деревни всё равно не обходитесь...

Появление знакомого пастуха явно обрадовало мужчин, которые с усердием отмывали колёса «Волги» от грязи. Они почти сразу отложили тряпки, подошли к Михаилу и протянули руки.

Поздоровались тепло, по-сельски — без лишних слов.

Тракторист представился:

— Евгений.

Несколько минут мужчины разговаривали о пустяках: о дороге, о погоде, о хозяйстве. Михаил наблюдал за ними со стороны, потом посмотрел на часы, вспомнил о своих делах и собрался уезжать.

Он уже взялся за поводья, когда к нему подошёл Николай — водитель «Волги».

Он остановил коня, взял его под уздцы и отвёл немного в сторону. Потом посмотрел на Михаила, улыбнулся и тихо сказал:

— Спасибо тебе огромное, земля... Если бы не твоя смекалка, я бы в этой глуши до белых комаров сидел.

Он похлопал Михаила по колену и добавил:

— Приезжай к нам в Белый дом. Там меня все знают. Посидим, поговорим... Может, и по сто граммов выпьем.

Предложение неожиданно сильно обрадовало Михаила.

За свои тридцать лет он так ни разу толком и не побывал в районном центре просто так — не по делу, не за покупками, не по хозяйственной необходимости. Не заходил в рестораны, не сидел за столом среди городских людей. Хотя приглашали его не раз.

Жадным Михаил никогда не был. Скорее наоборот — душа у него была простая и открытая. Но всю жизнь он жил осторожно, будто боялся сделать лишний шаг.

Они с Людмилой привыкли считать каждую копейку. Их главной мечтой был собственный дом — пусть небольшой, пусть даже вдвое меньше, чем у управляющего фермой. А ещё лучше — городская квартира.

Квартира казалась им почти раем.

Не нужно колоть дрова, таскать воду, топить печь, ждать, пока растает снег для хозяйственных нужд. Не нужно каждую зиму чувствовать холод в пальцах от тяжёлых вёдер и саней. Городская жизнь представлялась им настоящим коммунизмом, о котором столько говорили в школе и по радио.

Детей Сорокоумовы заводить не спешили.

Причины были не случайные и не пустяковые.

Оба они выросли в больших семьях. У Михаила было четыре брата, у Людмилы — четыре сестры. Но за количеством детей в их домах не стояло ни недостатка, ни заботы.

Обе семьи были бедными.

Родители Михаила и Людмилы никогда особенно не стремились к постоянной работе. Перебивались случайными заработками, а иногда, что греха таить, жили тем, что удавалось унести с чужого двора или склада.

На них писали протоколы, вызывали в сельсовет, проводили беседы. Но до суда дело почти никогда не доходило.

Власть рассуждала просто: если посадить родителей, кто будет заниматься детьми?

А дети тем временем росли сами.

Михаил и Людмила с малых лет познали все «прелести» такой жизни. Летом они собирали ягоды, грибы, ели всё, что давали лес и поле. В тяжёлые времена не брезговали даже молодой крапивой, которой возле домов росло столько, что она казалась настоящим зелёным ковром.

Может быть, именно поэтому они с юности решили жить иначе.

Не богато. Не красиво. Но честно.

Несмотря на тяжёлое детство, Михаил и Людмила не стали похожими на своих родителей.

Наверное, именно пережитая нужда заставила их ценить простые вещи: чистую одежду, порядок в доме, честно заработанную копейку, спокойный вечер без скандалов и тревог.

Когда им исполнилось по восемнадцать лет, они расписались в сельсовете.

Большой свадьбы не было. Ни денег, ни желания устраивать шумное торжество у молодых не имелось. Сделали небольшой стол, собрали самых близких. Часть расходов взял на себя совхоз — тогда так часто помогали молодым рабочим семьям.

Помогли и с жильём.

Им выделили небольшую избушку на краю деревни. До них там жила одинокая старушка. Домик был старенький, перекошенный, с низким потолком и маленькими окнами. Казалось, он вот-вот сдастся под напором времени.

Но старуха умерла, а родственников у неё, похоже, не осталось.

Никто не приехал ни за вещами, ни за наследством. Никто даже особенно не интересовался её похоронами.

Старая избушка оказалась никому не нужна.

Только Сорокоумовы увидели в ней не развалину, а начало своей семейной жизни.

Они въехали туда осторожно, словно временно. Каждый раз, когда по дороге появлялась машина, Михаил невольно бросал взгляд в окно.

А вдруг кто-нибудь приедет?

А вдруг объявятся родственники старушки и скажут: «Уезжайте, это не ваше»?

Прошли годы, но привычка осталась.

Домик так и не стал для них полностью своим.

После свадьбы молодые взялись за ум. Правда, больших планов не строили.

Михаил не мечтал о должностях и карьере. Да и возможности для этого у него были невелики.

В школе он учился средне, с трудом окончил восемь классов. Поступил в училище, но не закончил. В армию его не взяли — официальная причина была простой: плоскостопие.

Так получилось, что большую часть молодости он провёл рядом с животными.

Сначала помогал пастухам, потом сам стал пасти коров — совхозных и частных.

Работа была тяжёлая, но Михаила она устраивала.

В поле, вдали от начальства и лишних разговоров, он чувствовал себя свободнее. Он знал каждую корову в стаде, различал их по характеру, понимал поведение животных лучше, чем многих людей.

Людмила была другой.

В отличие от мужа, она хорошо училась. После восьмилетки поступила в профессионально-техническое училище и получила специальность швеи.

Правда, в деревне такая профессия официально почти не существовала.

Никто не открывал мастерских, никто не создавал ей рабочего места.

Но жизнь сама нашла ей работу.

У Людмилы появились клиенты.

Сначала одна женщина попросила подшить платье, потом другая принесла старый пиджак, который нужно было переделать. Потом пошли дети — кому-то укоротить брюки, кому-то сшить рубашку, кому-то починить зимнюю одежду.

Так постепенно Людмила стала единственной портнихой на всю округу.

Её старая машинка «Подольск» стояла у окна и почти никогда не остывала.

Машинка была древней, тяжёлой, скорее всего, ещё довоенного производства, но служила исправно.

Людмила умела всё.

Она могла перешить мужской пиджак, сделать из старого платья новое, сшить детские ползунки или простое бельё.

За работу брала не только деньги.

Кто-то приносил яйца, кто-то масло, кто-то муку, кто-то картошку.

Она не отказывалась.

Не потому, что была корыстной. Просто знала цену своему труду.

Ещё в школе им объясняли: человек должен работать, приносить пользу обществу. И она в это верила.

Единственное, чего Людмила никогда не брала, — самогон.

Она боялась.

Не столько самого напитка, сколько людских языков.

В деревне слухи распространялись быстрее ветра. Особенно среди тех, кому чужая удача или чужой достаток были неприятны.

Удивительно, но хозяйство Сорокоумовы почти не держали.

Ни коровы, ни свиньи, ни даже кур.

Многие считали это странным.

Какая же деревенская семья без хозяйства?

Но Михаил и Людмила понимали: домашняя живность — это не только продукты, но и ежедневные заботы.

А у них и без того была своя жизнь.

Михаилу часто давали молоко доярки. Иногда угощали и частники — особенно одинокие женщины, которым нравилось доброе слово и спокойный характер молодого пастуха.

В его старом солдатском вещмешке, подаренном одним офицером во время уборочной кампании в Усовке, почти всегда стояла небольшая банка.

То была его нехитрая деревенская «добыча».

Людмила тоже не сидела без дела.

Каждый день за её окном звучал знакомый стук швейной машинки.

И вот спустя десять лет совместной жизни впервые в их доме состоялся настоящий семейный совет.

До этого они жили сегодняшним днём.

Не строили больших планов, не мечтали о переменах.

А теперь всё изменилось.

Причиной стал один человек — Николай Крюков.

Водитель первого секретаря райкома партии.

Человек из другого мира.

Человек, который пригласил их в районный центр.

Сначала Сорокоумовы думали только о том, как отблагодарить его.

Подарок должен был быть достойным.

Но что они могли подарить?

Домашнего мяса не было.

Молока тоже не держали.

Кур — тем более.

Да и возиться с деревенскими гостинцами не хотелось.

После долгих размышлений они нашли решение.

Михаил отправился в магазин и купил целый ящик сгущённого молока.

Для деревни того времени это был почти настоящий подарок.

Дорого.

Необычно.

И главное — от души.

Когда он принёс покупку домой, Людмила посмотрела на банки и улыбнулась:

— Правильно сделал.

Сгущённое молоко любят все.

И дети.

И взрослые.

Поездка в районный центр Аксеново стала для Сорокоумовых событием, которое они потом вспоминали ещё долгие годы.

Они ехали туда не просто в гости.

Для них это был почти выход в другой мир.

Михаил надел лучший костюм, который давно висел в шкафу и доставался только по большим случаям. Людмила долго выбирала платье, несколько раз поправляла причёску, хотя прекрасно

понимала: в районном центре никто не станет рассматривать её так внимательно, как в родной деревне.

Но для неё это был важный день.

Хотелось выглядеть достойно.

Хотелось, чтобы никто не подумал, будто приехали какие-то деревенские люди, случайно забредшие в город.

В тот день Николай Крюков, водитель первого секретаря райкома партии, оказался в гараже.

Большая часть руководства района находилась на совещании в Доме культуры — там проходил районный актив коммунистов. Начальники отделов, председатели колхозов, директора предприятий и другие руководители были заняты важными разговорами о планах и показателях.

А гараж в это время жил своей обычной жизнью.

Водители коротали время за разговорами.

Крюков, увидев Сорокоумовых, искренне обрадовался.

Он давно знал Михаила как человека спокойного, надёжного и смекалистого.

Таких людей в деревне ценили.

— Ну, приехали всё-таки! — улыбнулся Николай. — А я думал, забудете.

Людмила протянула ему подарок.

Когда Крюков увидел ящик со сгущённым молоком, его лицо буквально просветлело.

Он даже немного смутился.

— Да вы что... Зачем так?

Но по голосу было понятно: подарок ему приятен.

Он знал цену таким вещам.

В те времена сгущённое молоко не лежало в каждом доме. Для многих оно оставалось маленьким праздником из детства.

— Это от нас, — сказала Людмила. — Просто так.

Крюков долго жал руку женщине и благодарил.

Оказалось, что его жена тоже очень любила сгущёнку.

Но настоящий сюрприз ждал его впереди.

Когда Михаил, немного волнуясь, предложил:

— Николай, может, посидим где-нибудь? В ресторан бы сходили...

Крюков сначала даже не поверил.

Он посмотрел на Михаила, потом на Людмилу.

— В ресторан?

— А что? — улыбнулся Михаил. — Раз приехали, так приехали.

Водитель первого секретаря широко улыбнулся.

Он не стал долго отказываться.

Быстро надел фуражку, попрощался с товарищами и вскоре уже выводил из гаража чёрную служебную «Волгу».

Через несколько минут машина отправилась в сторону ресторана «Сибиряк».

Для Сорокоумовых этот вечер был почти сказочным.

Они сидели среди городских людей, за настоящим ресторанным столом, слушали музыку, разговаривали, смеялись.

Михаил чувствовал себя необычно.

Ещё вчера он был обычным сельским пастухом, человеком, которого многие знали только по работе.

А сегодня он сидел рядом с водителем главного начальника целого района.

Человеком, которого уважали и которому уступали дорогу.

Людмила тоже старалась держаться уверенно.

Она внимательно смотрела вокруг, запоминала детали: белые скатерти, официантов, посуду, разговоры за соседними столиками.

Ей хотелось сохранить в памяти каждую мелочь.

К вечеру настроение стало ещё веселее.

Когда солнце уже клонилось к закату, чёрная «Волга» медленно ехала по разбитой грунтовой дороге обратно в Усовку.

На заднем сиденье находились Сорокоумовы.

Они были счастливы.

Михаил и Людмила то и дело хлопали Николая по плечу, смеялись, что-то рассказывали, перебивали друг друга.

Наверное, немного переигрывали.

Но делали это не случайно.

Им хотелось, чтобы их увидели.

Чтобы деревня заметила.

Чтобы те самые люди, которые ещё вчера смотрели на них как на обычных сельских жителей, сегодня увидели рядом с ними настоящую служебную машину.

«Волгу».

Машину власти.

Машину, перед которой в те годы невольно выпрямляли спину.

Жители деревни, встречая автомобиль, махали руками, кивали, некоторые даже снимали шапки.

Не потому, что знали Николая.

А потому, что знали: в этой машине сидят люди, связанные с районным начальством.

А с начальством тогда лучше было иметь хорошие отношения.

Прошёл месяц.

И жизнь Сорокоумовых изменилась так резко, что они сами ещё долго не могли в это поверить.

Они переехали в Аксеново.

В один день исчезла старая избушка с покосившимися стенами, исчезли страхи перед случайными родственниками умершей хозяйки, исчезла привычная деревенская бедность.

Они получили то, о чём мечтали долгие годы.

Квартиру.

Настоящую городскую квартиру.

Двухкомнатную.

В пятиэтажном доме.

С водопроводом.

С ванной.

С центральным отоплением.

Для Сорокоумовых это казалось почти чудом.

В первый вечер Михаил долго стоял возле крана и просто смотрел, как из него течёт вода.

Не нужно идти с вёдрами.

Не нужно ждать машину.

Не нужно растапливать печь.

Повернул ручку — и вода есть.

Людмила тоже ходила по квартире с улыбкой.

Она открывала шкафчики, смотрела на ровные стены, гладила рукой подоконник.

Всё это казалось им чужим.

Но теперь это было их.

Через несколько дней они устроились на работу.

Людмила пошла на трикотажную фабрику уборщицей.

Работа не была престижной, но для неё это был шаг в новую жизнь.

Она получала стабильную зарплату, имела трудовую книжку, ходила каждый день на предприятие.

Михаил устроился подсобным рабочим в продуктовый магазин.

Хотя ему предлагали место на мебельной фабрике с более высокой зарплатой, он отказался.

Его пугал шум станков, постоянный гул оборудования, запах древесной пыли.

Он привык к простому труду.

Поднести мешки.

Разгрузить товар.

Помочь продавцам.

Это было понятно и знакомо.

Кроме того, в магазине ему нравилось другое.

Там были люди.

Разговоры.

Движение.

А ещё две продавщицы — женщины примерно его возраста, немного старше, — относились к нему с теплотой.

Иногда могли налить сто граммов после работы.

Иногда поставить на стол небольшую бутылку.

Но Михаил был осторожен.

На работе он никогда не пил.

Он слишком дорожил своим новым положением.

Теперь у него было имя.

Квартира.

Городская прописка.

Работа.

Он понимал: один неверный шаг — и всё может исчезнуть.

А главное — у него появилась новая цель.

Стать членом партии.

Через два года Михаил Сорокоумов добился того, о чём ещё недавно даже не думал.

Он вступил в КПСС.

Организацию, которая тогда считалась умом, честью и совестью эпохи.

Конечно, без помощи Николая Крюкова это было бы намного сложнее.

Но времена менялись.

Партии нужны были новые люди.

Не только руководители и специалисты.

Нужны были представители простого народа — рабочие, крестьяне, люди «из низов».

Михаил подходил.

Он был спокойным.

Работающим.

Без громких амбиций.

И главное — своим человеком.

Через год после переезда в семье Сорокоумовых произошло ещё одно событие.

У них родился ребёнок.

Дочь.

Первый настоящий семейный праздник за много лет.

Они называли её Ириной.

И, глядя на маленькую девочку, Михаил и Людмила впервые подумали о будущем не со страхом, а с надеждой.

Им казалось, что теперь всё будет иначе.

Что прошлое осталось далеко — в той старой деревенской избушке, возле берёзового колка, где когда-то стояли трактор К-700 и чёрная «Волга».

Но жизнь редко идёт только по прямой дороге.

Иногда именно в тот момент, когда человек уверен, что нашёл своё место, судьба готовит ему новый поворот.

Глава третья

Сад, который не расцвел

Училась Ирина Сорокоумова без особого старания. Не потому, что была неспособной, — просто не видела смысла забивать голову тем, что считала ненужным. История, литература, обществознание давались ей легко, а вот математика, физика и химия казались чужим, холодным миром, в котором не находилось места ни чувствам, ни воображению.

Особенно тяжело складывались отношения с учительницей математики. Та никогда не позволяла себе поднять руку на ученицу, но каждое неверное решение встречала таким суровым взглядом и такими резкими словами, что Ирина невольно сжималась. Иногда девочка ловила себя на мысли: откуда у этой пожилой женщины, прошедшей Великую Отечественную войну, столько железной выдержки и требовательности? Казалось, она не знала жалости ни к себе, ни к своим ученикам.

Дома всё было иначе. Родители почти не обращали внимания на очередные двойки и тройки по математике. Они не ругали дочь, но и не пытались ей помочь. Такое равнодушие Ирина объясняла просто: наверное, сами мало учились и ничего не понимают.

Она ошибалась.

Однажды, оставшись дома одна, Ирина решила навести порядок в письменном столе отца. Под кипой старых бумаг она заметила плотный конверт. Любопытство оказалось сильнее осторожности.

Внутри лежали аккуратно сложенные копии документов. Из одной справки следовало, что отец окончил строительный техникум, из другой — что мать получила образование в кооперативном техникуме. Ирина успела прочитать лишь первые строки. Что было написано дальше, она так и не узнала.

В дверях бесшумно появился отец.

Высокий, широкоплечий мужчина молча смотрел на дочь. Ни крика, ни упрёка. Только тяжёлый взгляд и едва заметное покачивание головой. Этого оказалось достаточно.

Ирина поспешно спрятала бумаги обратно, задвинула ящик стола и, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

Так они и жили — почти без слов. Казалось, в этом доме давно поселилась тишина, за которой скрывалось всё: обиды, недосказанность, усталость. Родители редко разговаривали друг с другом, и холод, разделявший их, незаметно окружал и дочь. Каждый жил своей жизнью под одной крышей.

И всё же было бы несправедливо сказать, что родители её не любили. Они не умели говорить о своих чувствах, зато по-своему заботились о ней.

Особенно это стало заметно, когда Ирина перешла в восьмой класс. Семья получила просторную трёхкомнатную квартиру в новой пятиэтажке неподалёку от автовокзала. Для небольшого районного центра Аксёново это считалось настоящей удачей.

Изменилось и положение отца. Он становился всё более заметной фигурой в районе. Сначала работал в профессионально-техническом училище, а затем перешёл в большое четырёхэтажное административное здание, которое местные жители между собой называли Белым домом. Чем именно он там занимался, Ирина не знала. Да, признаться, никогда особенно и не интересовалась.

Мать, Людмила, трудилась на трикотажной фабрике. О её должности дочь тоже почти ничего не знала. Но один факт говорил сам за себя.

Каждое утро и почти каждый вечер к их дому подъезжал служебный «Москвич». Молодой водитель выходил из машины, почтительно открывал дверь, терпеливо ждал, пока Людмила удобно устроится на сиденье, и лишь затем мягко закрывал её и осторожно трогался с места.

В те годы служебный автомобиль был не просто удобством. Он служил безмолвным свидетельством того, что человек занимал в городе далеко не последнее место.

В том, что родители занимали далеко не последнее место в районной иерархии, Ирина Сорокоумова уже давно не сомневалась.

Официально их называли руководителями, а в народе говорили проще — большие шишки.

С каждым годом она все отчетливее ощущала, что к ней относятся иначе, чем к остальным ученикам. В младших классах Ирина была одной из многих, но чем старше становилась, тем заметнее менялось отношение учителей. Ее чаще хвалили, ставили в пример, охотнее прощали мелкие промахи.

Особенно усердствовал директор школы Иван Петрович Шагов. Не проходило и пары недель, чтобы он, встретив Ирину в коридоре, не попросил передать родителям привет и пожелания здоровья.

Поначалу она исправно выполняла эти поручения. Но отец с матерью лишь равнодушно кивали, словно речь шла о совершенно постороннем человеке. Вскоре Ирина перестала быть посредником — поняла, что директорские приветы никому, кроме самого директора, не нужны.

Вообще равнодушие постепенно становилось ее привычным состоянием. Ее не волновали громкие лозунги, стройки века, рекорды пятилеток и даже очередной полет советских

космонавтов. Все это существовало где-то далеко, не имея никакого отношения к ее жизни.

Лишь один человек сумел нарушить это безразличие.

Его звали Иван Лейкин.

Он появился в школе, когда Ирина училась в девятом классе.

До этого она ни разу по-настоящему не влюблялась. Учителя были слишком взрослыми, почти ровесниками ее родителей, а среди одноклассников, несмотря на симпатичные лица, она не видела никого, кто казался бы ей достойной партией.

Еще совсем юной Ирина усвоила простую истину: любовь любовью, а жизнь требует достатка. Большинство ее сверстников росли в семьях, где каждая покупка становилась событием. Она не считала себя богаче остальных, но прекрасно видела разницу.

Почти каждый вечер родители приносили домой что-нибудь дефицитное: коробку хороших конфет, импортные сапоги, красивую кофту или продукты, за которыми другие простаивали часами в бесконечных очередях.

Они никогда не возвращались с авоськами, наполненными полугнилой картошкой или синеватым мясом. На их столе всегда появлялось свежее, чистое и вкусное.

Увидев очередные покупки, Ирина оживлялась. Она с удовольствием примеряла обновки, пробовала сладости, а уже на следующий день появлялась в школе в новой одежде.

Подруги провожали ее завистливыми взглядами. Парни — заинтересованными.

Но все изменилось в тот день, когда в класс вошел Иван Лейкин.

Он появился сразу после звонка вместе с директором школы.

Шагов заметно волновался. Прокашлялся, машинально провел ладонью по своей блестящей лысине и торжественно объявил:

— Ребята, сегодня у нас особенный день. В вашем классе будет учиться новый ученик... Иван Лейкин.

Класс встретил новость молчанием.

Директор замялся. Видимо, такого приема он не ожидал.

Набрав полную грудь воздуха, он произнес уже с особым нажимом:

— Сын первого секретаря райкома партии товарища Лейкина.

Однако и эти слова не произвели ожидаемого впечатления. Двадцать старшеклассников продолжали спокойно смотреть на директора.

На лице ветерана Великой Отечественной войны промелькнуло беспокойство. Он растерянно поднял руки, словно призывал аудиторию к порядку, и громко сказал:

— Прошу любить и жаловать... Ивана!

На мгновение он запнулся, будто собирался назвать отчество, но передумал.

— Добро пожаловать в нашу школу!

Он первым захлопал в ладоши.

В ответ класс нехотя поддержал его жидкими аплодисментами.

Лишь одна Ирина хлопала искренне и долго.

Высокий стройный юноша с густыми русыми волосами понравился ей с первого взгляда. Было в нем что-то спокойное, уверенное, почти взрослое.

Настоящим подарком стало то, что Иван сам выбрал место рядом с ней.

Машу Гурову пересадили за первую парту. Ирина ничуть не сожалела. Особой дружбы между ними никогда не было.

Она украдкой поправила волосы, расправила юбку и улыбнулась новому соседу.

Сама Ирина считала себя красивой. Светлые волнистые волосы, правильные черты лица, длинные стройные ноги — своими достоинствами она умела пользоваться. Юбки становились чуть короче, походка — чуть увереннее, а взгляды мальчишек задерживались на ней все чаще.

Иван ответил ей вежливой улыбкой и спокойно приготовился к уроку.

В тот день Ирина не пыталась завязать разговор. Она внимательно слушала учителей, лишь изредка украдкой поглядывая на соседа.

За несколько уроков она успела заметить одну любопытную деталь.

Лейкин не изображал из себя важную персону. Он внимательно слушал объяснения, быстро схватывал новый материал, уверенно отвечал на вопросы и производил впечатление человека не только воспитанного, но и действительно умного.

Это заинтересовало Ирину еще сильнее.

Педагогический коллектив средней школы был, что называется, возрастным. Молодые учителя появлялись здесь почти каждый год, но надолго не задерживались. Одни находили работу в городе, другие ссылались на семейные обстоятельства, третьи просто не выдерживали деревенской жизни. Так или иначе, школа постепенно старела вместе со своими преподавателями.

Директор школы, Иван Петрович Шагов, давно перешагнул семидесятилетний рубеж, однако о пенсии даже слышать не хотел. Работа стала для него не только привычкой, но и необходимостью. Зарплата директора была вполне достойной, однако денег в семье постоянно не хватало.

Жена, с которой они почти сорок лет назад после окончания педагогического института приехали работать в небольшую деревню Алексеевку, а позже перебрались в районный центр,

недавно вышла на пенсию. Вместе с заслуженным отдыхом пришли болезни, требовавшие постоянного лечения и немалых расходов.

Двое взрослых детей жили в Омске. Им уже перевалило за сорок, но они по-прежнему охотно принимали помощь родителей. Нужно было выплачивать кредит за трехкомнатную квартиру, затем появились расходы на недавно купленный автомобиль. Шагов никогда не жаловался — просто молча продолжал работать.

Ирина Сорокоумова никогда не интересовалась биографией директора и тем более не участвовала в школьных пересудах. Она считала, что между учениками и учителями должна существовать определенная дистанция.

Все новости о педагогах ей рассказывала одноклассница Маша Гурова, отец которой работал бухгалтером на колхозном рынке и, казалось, знал обо всех событиях района. Что из услышанного было правдой, а что — обычными деревенскими выдумками, Ирина никогда не выясняла. Родителей она тоже не расспрашивала: дома не любили обсуждать чужую жизнь.

Лишь спустя неделю после начала учебного года Ирина и Иван Лейкин познакомились немного ближе.

Повод оказался самым обычным — большая двадцатиминутная перемена.

Едва прозвенел звонок, Иван вышел во двор школы. В руках он держал прозрачный пакет с нехитрым завтраком. Пройдя в школьный сад, парень устроился на старой деревянной скамейке, стоявшей в тени раскидистой яблони.

День выдался удивительно теплым для конца сентября. Солнце щедро заливало сад мягким золотистым светом. Иван неторопливо разложил свой обед: несколько ломтиков сервелата, булочку с маслом и бутылку лимонада.

Минут через десять в сад вошла Ирина.

Она вовсе не собиралась обедать. Перед школой плотно позавтракала дома, а на перемене успела выпить стакан компота и съесть небольшой бутерброд в школьном буфете. Просто захотелось немного пройтись и подышать свежим воздухом.

Увидев девушку, Иван заметно удивился.

За несколько учебных дней он уже привык к тому, что одноклассники старательно держатся от него в стороне. Никто никогда не садился рядом на длинную скамейку, хотя места на ней вполне хватило бы еще троим или четверым.

Причину такого поведения он понимал.

Все знали, что Лейкин — сын одного из самых влиятельных руководителей района. Почти каждое утро к школьному крыльцу его привозила черная «Волга» ГАЗ-24. Остальные ученики приходили пешком.

Так же, как и большинство учителей. Пожилая преподавательница русского языка Нина Петровна Алёхина медленно шла в школу, тяжело опираясь на старенькую трость. Возраст и больные ноги давно стали ее постоянными спутниками.

Ирина тоже была дочерью руководящих работников районного центра Аксеново. Правда, положение ее родителей было куда скромнее, поэтому особого пиетета перед громкими должностями она не испытывала.

Подойдя к скамейке, девушка лукаво улыбнулась и без всякого приглашения села рядом.

— Лейкин, — с улыбкой сказала она, — я уже несколько дней наблюдаю, как ты беззастенчиво занимаешь мой трон.

Иван поднял глаза и вопросительно посмотрел на нее.

— Надеюсь, ты не станешь возражать, если законная хозяйка вернет себе место?

Парень рассмеялся, поднялся со скамейки и с нарочитой галантностью сделал приглашающий жест.

— Да пожалуйста. Хоть всю скамейку забирай. Ради такой особы я и постоять могу.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Ирина искренне рассмеялась. На ее лице вспыхнула открытая, теплая улыбка.

— Ну нет, геройствовать не надо, — сказала она, слегка хлопнув его по плечу. — Садись. Мне просто захотелось проверить, умеешь ли ты шутить.

Иван улыбнулся уже без прежней скованности.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами, а затем школьный звонок возвестил об окончании перемены.

Ирина первой поднялась и, махнув рукой на прощание, быстрым шагом направилась к зданию школы.

Эти двадцать минут пролетели для нее почти незаметно.

Тогда она еще не знала, что именно этот короткий разговор станет началом новой главы в жизни обоих.

Им казалось, что судьба просто свела двух молодых людей.

Но время покажет: каждый из них шел к этой встрече со своими, тщательно скрываемыми намерениями. И далеко не все чувства, которые вскоре возникнут между ними, окажутся такими простыми и искренними, какими выглядели в тот теплый сентябрьский день.

Октябрь вступил в свои права. Для огромной страны, называвшейся Советским Союзом, это было время напряженной уборочной страды. Сибирь не стала исключением. Девятиклассников районной школы отправили помогать селу — убирать картофель неподалеку от Аксеново.

Деревушка Бычки встретила ребят тихой красотой. Она раскинулась на берегу большого озера, носившего то же название. Осенний воздух был прозрачен и свеж, березы уже начали сбрасывать золотую листву, а по утрам над водой стелился густой туман.

После работы школьники были предоставлены сами себе. Одни брали лодки и уходили рыбачить, другие подолгу сидели на берегу, любясь закатом. Купаться уже никто не решался — вода стала ледяной.

По вечерам в старом, покосившемся сельском клубе местный киномеханик почти ежедневно показывал фильмы. Однако городские ребята заглядывали туда редко. Их уже мало интересовали старые киноленты. В семнадцать лет мысли все чаще обращались к будущему, которое казалось одновременно близким и непостижимым.

О будущем все чаще думала и Ирина Сорокоумова.

Она трезво оценивала себя и не питала особых иллюзий. Учеба давалась ей без особого успеха. Хорошие оценки по естественным наукам появлялись скорее благодаря стараниям родителей, чем ее собственным знаниям. Отец и мать занимали должности, позволявшие пользоваться многочисленными служебными привилегиями. В советской действительности это значило гораздо больше, чем было принято говорить вслух.

Но Ирина понимала: возможности родителей не безграничны. Они могли устроить дочь в педагогический институт или медицинское училище, помочь получить спокойную, надежную профессию. Только сама она такой судьбы для себя не хотела. Ей казалось, что жизнь должна быть иной — ярче, красивее, богаче. Она мечтала однажды вырваться из провинции, где каждый новый день был похож на предыдущий.

Через неделю ее представления о будущем начали стремительно меняться.

Причиной оказался Иван Лейкин.

Поздним вечером к школьному лагерю подкатила черная «Волга». Такие автомобили в районе были наперечет и сами по себе вызывали уважение. Машина принадлежала первому секретарю райкома партии Петру Лейкину, приехавшему посмотреть, как живут и работают школьники.

Высокий седовласый мужчина неторопливо обошел лагерь, поговорил с учителями, похвалил организацию работ, после чего подозвал сына.

Именно тогда Иван неожиданно предложил Ирине прокатиться.

Она растерялась лишь на мгновение и сразу согласилась. Конечно, ей хотелось хоть раз оказаться внутри легендарной «Волги». Но дело было не только в машине. За последние месяцы Иван, ее сосед по парте, стал ей удивительно близок. Она все чаще ловила себя на том, что ищет его взгляд среди одноклассников и невольно улыбается, когда он оказывается рядом.

В дороге почти никто не разговаривал.

Петр Лейкин сидел впереди рядом с водителем, изредка перебрасываясь короткими фразами. Иван молчал тоже. Лишь иногда украдкой смотрел на Ирину, и от этих взглядов ей становилось тепло.

До Аксенова было всего несколько километров, но девушке казалось, что поездка закончилась слишком быстро.

Мягкие сиденья, запах новой машины, тихое урчание двигателя и ощущение какого-то недоступного прежде комфорта завораживали ее. Мир, который до сих пор существовал где-то далеко, вдруг оказался совсем рядом.

Сначала «Волга» остановилась возле дома Сорокоумовых, а затем скрылась за поворотом.

Ирина еще долго стояла у окна, вспоминая каждую минуту этой поездки.

Но самым неожиданным оказалось продолжение вечера.

Не прошло и часа, как знакомый автомобиль вновь появился возле ее дома.

На улице уже сгущались сумерки. Услышав сигнал клаксона, Ирина выглянула в окно и почувствовала, как сердце радостно дрогнуло.

За рулем сидел Иван.

Родителей дома не было — они ушли на день рождения соседки. Девушка быстро накинула куртку и выбежала во двор.

Иван распахнул дверцу и весело улыбнулся.

— Иришка, садись. Пока приглашаю по-хорошему.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Родители футбол смотрят, им сейчас не до меня. Поехали на дачу. Отдохнем немного. За день этой картошки столько перекидали, что смотреть на нее больше не могу. Все равно половина урожая сгниет...

Ирина ничего не ответила.

Она лишь улыбнулась, согласно кивнула и осторожно коснулась руки молодого водителя.

Этого прикосновения оказалось достаточно.

Дача первого секретаря районного комитета партии произвела на девушку сильнейшее впечатление. Просторный дом из белого кирпича, ухоженный участок, богатый стол — все это казалось ей частью какой-то другой жизни.

На столе стояли продукты, которых она прежде почти не видела: дорогие сыры, копчености, фрукты, шоколад, импортное вино. Даже в доме ее родителей подобное изобилие случалось редко.

Для Ирины этот вечер стал настоящим открытием.

Не столько из-за угощений или роскошной обстановки.

Она впервые почувствовала, что существует мир, куда ей отчаянно хочется попасть.

Когда под утро черная «Волга» остановилась возле ее дома, Ирина легко поцеловала Ивана в щеку и, улыбнувшись, выскользнула из машины.

Спустя час она крепко спала.

Ей давно не снились такие светлые сны.

В тот вечер она впервые попробовала настоящее импортное вино, впервые ощутила вкус дорогих сладостей. Но главное было совсем не в этом.

Она впервые позволила юноше обнять себя, впервые по-настоящему поцеловалась и впервые почувствовала рядом тепло мужчины.

И пока это было все.

Но именно этой ночью судьба незаметно сделала первый поворот, который изменит всю ее жизнь.

Утро в лагере началось привычно, без каких-либо неожиданностей. Всё шло по давно установленному порядку: построение, доклад командира, распределение работ. Затем слово взял комиссар. Как всегда, он говорил о высоком предназначении советской молодежи, о доверии партии и государства, о том, что ответить на эту заботу можно только одним — самоотверженным трудом.

Однако за внешним спокойствием скрывалось то, о чем предпочитали не говорить вслух. Начальство прекрасно знало: на утреннем построении отсутствовали двое — Иван Лейкин и Ирина Сорокоумова.

По инструкции следовало немедленно доложить наверх, но этого не сделали. Слишком многое было связано с их именами, слишком влиятельными были их семьи. Да и мало кто хотел брать на себя

лишнюю ответственность. Все понимали: иногда молчание бывает самым безопасным решением.

Тем временем выпускной вечер подкрался незаметно. Еще вчерашние десятиклассники, измученные контрольными, экзаменами и бесконечным ожиданием результатов, в этот день словно сбросили с плеч тяжелый груз. Казалось, что всех тревог и переживаний никогда и не существовало. Позади остались школьные будни, строгие учителя, бессонные ночи над учебниками. Впереди была неизвестная, но такая манящая взрослая жизнь.

С особым облегчением этот день встретили школьные друзья и соседи по парте — Ирина Сорокоумова и Иван Лейкин. Они всегда оставались немного в стороне от остальных, словно принадлежали к другому миру. Не только благодаря своим способностям и внешности, но и по причине положения своих семей.

Ирина считалась самой красивой девушкой среди выпускниц. В ней было то редкое сочетание юности, естественного очарования и внутренней уверенности, которое невозможно было не заметить.

Иван тоже выделялся среди сверстников — привлекательный, воспитанный, уверенный в себе молодой человек. Кроме того, за его плечами стояло имя семьи, которое в их небольшом городе значило очень многое.

На торжество родители Ивана приехали на служебной машине. Отец, первый секретарь райкома партии Петр Лейкин, привык появляться там, где это требовал статус. Но сын в последний момент отказался от показной роскоши. Ему хотелось прийти самому, как обычному выпускнику, а не как сыну влиятельного человека.

Он задолго до начала праздника пришел в дом Ирины. Молодые люди весело разговаривали, шутили, строили планы на вечер. В их разговорах уже чувствовалось ожидание перемен — они стояли на пороге новой жизни. Вскоре они вышли на центральную улицу города.

Улица имени Ленина, главная в Аксеново, за неделю до окончания экзаменов пережила очередное преобразование. Вернее сказать, ей сделали срочный «ямочный ремонт», чтобы к празднику город выглядел немного приличнее. Так было принято: привести в порядок фасад, скрыть недостатки, создать видимость благополучия.

Жители Аксеново почти не сомневались, что свадьба Ирины Сорокоумовой и Ивана Лейкина — лишь вопрос времени. И какие могли быть сомнения? Дочь Михаила Сорокумова, одного из влиятельных людей города, и сын первого секретаря райкома — казалось, сама судьба приготовила им дорогу.

К тому же они подходили друг другу. Ирина была красавицей, Иван — далеко не последним парнем на селе. За ним стояла не только хорошая семья, но и уверенное будущее. В таких местах подобные браки считались почти предрешенными.

Ходили и другие слухи. Говорили, что осенью Петра Лейкина могут перевести в Москву. Связи у него там были серьезные, и многие были уверены: если это произойдет, то сын вместе с будущей женой отправится вслед за ним в столицу.

После официальной части выпускники собрались за праздничным столом, а затем всей компанией отправились гулять по городу. Аксеново был одним из тех маленьких провинциальных городков, каких на огромных просторах страны насчитывались тысячи.

Он затерялся среди бескрайних лесов и озер. До областного центра Омска было почти двести километров. Природа щедро одарила этот край: в лесах водилась дичь, в озерах было достаточно рыбы. Но вместе с природными богатствами сюда словно пришли и другие испытания.

Жизнь здесь была непростой. Железной дороги не было и, скорее всего, никогда не появилось бы — вокруг лежали болота, топи и бесчисленные озера. Автобусное сообщение существовало, но поездка даже до ближайшего населенного пункта часто превращалась в настоящее испытание.

Весной дороги размывало паводковыми водами, летом их разбивали бесконечные дожди. Вместо дорог появлялись вязкие грязевые полосы, по которым с трудом пробирались машины.

И все же, несмотря на эту забытую судьбой землю, молодые люди мечтали. Никто из выпускников не хотел провести здесь всю жизнь. Каждый представлял себе другой мир — большой город, новые возможности, любовь, успех.

Не были исключением и Иван с Ириной.

Они сидели на небольшой деревянной скамейке возле старого, давно обветшавшего здания автовокзала и тихо говорили о будущем. Вокруг постепенно стихал праздничный шум, город готовился ко сну, а перед ними открывалась целая жизнь — пока еще светлая, полная надежд и несбывшихся ожиданий.

Мечты Ивана Лейкина были поистине наполеоновскими. В этот теплый летний вечер он впервые открыл Ирине то, о чем прежде не говорил ни с кем. Его планы были смелыми, почти дерзкими — он видел перед собой не просто будущее, а большую жизнь, в которой ему отводилась главная роль.

Через два месяца отца должны были перевести в Москву на повышение. Это событие меняло многое. Отец уже заранее определил для сына два самых «хлебных» направления: престижный институт международных отношений и институт театрального искусства. Один путь открывал двери в большую политику и дипломатию, другой — в мир сцены, славы и признания.

Иван хотел всего сразу. Он мечтал быть первым, известным, влиятельным и богатым. Ему казалось, что перед ним открываются все дороги и что судьба уже приготовила для него особое место среди избранных.

Ирина, напротив, никогда не строила столь грандиозных планов. Она выросла в другой среде. Ее родители не имели ни нужных знакомств, ни влиятельных покровителей, которые могли бы помочь дочери пробиться наверх.

Они до сих пор поддерживали странную, почти необъяснимую связь с водителем черной «Волги» — человеком, которого в районе знали все. Каждый год к его дню рождения или к празднику его жены они приносили подарки, хотя никто уже толком не понимал зачем. Может быть, надеялись на случайную удачу. Может быть, просто боялись потерять даже эту маленькую ниточку, связывающую их с миром возможностей.

О водителе черной «Волги» ходили легенды. За годы службы через его машину прошли четыре начальника. Кто-то уходил на повышение, кто-то исчезал из жизни, а Николай Крюков оставался на своем месте — спокойный, незаметный и словно неуязвимый перед любыми переменами.

Сорокоумова слушала откровения Ивана с огромным вниманием и тайной надеждой. Она ловила каждое его слово, словно перед ней открывалась дверь в другую жизнь. Иногда девушка даже забывала закрыть рот от удивления, настолько невероятными казались ей его планы.

А иногда она благодарно целовала симпатичного парня со светло-коричневыми волосами за его уверенность и смелость. Но временами ее лицо становилось серьезным. Правда ли все это? Или просто красивые юношеские мечты? — спрашивала она себя.

Ирина не хотела однажды обнаружить, что поверила пустым обещаниям и навсегда осталась в этой провинциальной глуши. Постепенно в ней крепла уверенность: рядом с Иваном у нее появился шанс выбраться из этой сибирской глубинки и начать совсем другую жизнь.

Но откровения бывшей одноклассницы Иван Лейкин почти не заметил. И дело было не только в том, что ее мечты казались ему слишком скромными и не соответствовали масштабу его собственных планов.

Причина была глубже.

Всего неделю назад после телефонного разговора с Москвой отец впервые поговорил с сыном совершенно откровенно. В тот вечер он

устроил настоящий семейный праздник — накрыл стол, достал дорогой армянский коньяк и, заметно расслабился, позволил себе на короткое время забыть о привычной сдержанности.

Он горячо поцеловал свою жену Любушку — так он всегда называл ее, свою единственную любовь, свою опору. Для мужчины средних лет эта женщина была всем: семьей, надеждой и главным смыслом жизни.

Именно благодаря ее отцу когда-то незаметный мальчишка из сибирской глубинки сумел подняться по карьерной лестнице и занять заметное положение. Люба подарила ему не только возможность войти в мир больших решений и больших кабинетов, но и сделала все, чтобы такой же путь был открыт для их единственного сына.

Аксеново она никогда не воспринимала как место для настоящей жизни. Это была лишь временная остановка, необходимая ступень, но никак не конечная точка. Более того, она не считала этот забытый сибирский поселок достойным местом для будущего мужа.

По замыслу семьи Лейкин должен был пройти обязательный путь «снизу вверх». В Москве всегда ценили тех, кто приходил из глубинки, кто мог показать биографию человека, прошедшего настоящую школу жизни. Особенно если эта биография начиналась далеко от столичных кабинетов — в маленьком, никому не известном месте.

В тот вечер, когда, казалось, всё наконец складывалось как нельзя лучше — и во многом благодаря усилиям жены, — Пётр Лейкин впервые за долгое время позволил себе быть более откровенным в семейном кругу. Особенно с сыном.

Он подсел к Ивану, осторожно провёл рукой по его русым кудрям и, словно подбирая нужные слова, произнёс с непривычной для него мягкостью:

— Иванушка... Ты у нас самый любимый и самый дорогой человек.
— Он сделал небольшую паузу, внимательно посмотрел на сына и

продолжил: — Мы с матерью сделаем всё возможное и даже невозможное, чтобы твоя жизнь сложилась достойно.

Младший Лейкин широко улыбнулся. В его взгляде появилась благодарность и какая-то детская доверчивость. Он слегка покачал головой, словно полностью соглашаясь с родительскими намерениями, и ответил:

— Папа, мама... Все эти годы я старался оправдать ваше доверие. Как видите — не пью, не курю... — Он вдруг лукаво усмехнулся и, по-мальчишески задорно рассмеявшись, добавил: — Одним словом, настоящий комсомолец и будущий строитель коммунизма!

Неожиданный ответ сына несколько озадачил Петра Лейкина. Он тяжело вздохнул. В его взгляде мелькнула тень разочарования, смешанная с отцовской тревогой.

— Иван... Я совсем не об этом хотел с тобой поговорить, — тихо сказал он. — Весь район знает о твоей привязанности к Иришке Сорокоумовой. Все — от мала до велика...

Заметив недоумение на лице сына, Пётр Лейкин вдруг изменился. Его голос стал жёстким, почти командным — таким, каким он привык говорить на заседаниях партийного бюро:

— Иван, как мне понимать твои отношения с дочерью простого клерка из моего учреждения?

Он сжал зубы, словно ему было тяжело произносить следующие слова, но всё же продолжил:

— Ты даже не представляешь, кто они на самом деле... Они пришли сюда из глухой деревни. В нашем городе оказались только благодаря моему водителю...

В комнате повисло напряжённое молчание. Казалось, ещё немного — и между отцом и сыном возникнет невидимая стена.

Но в этот момент вмешалась жена Петра. Она быстро поднялась со стула, подошла к мужу, нежно коснулась его щеки лёгким

поцелуем, словно пытаюсь смягчить его резкость, затем обняла сына.

— Ваня, ты ещё не знаешь этой жизни... — сказала она серьёзно. — Наша жизнь — это настоящее поле гладиаторов. Каждый борется за своё место и хочет жить лучше других.

Она задумалась на мгновение, словно сама вспоминала пройденный путь, и продолжила уже другим, более холодным тоном:

— Чтобы хорошо жить, иногда приходится идти по головам... А бывает, что и по судьбам людей.

Она посмотрела на мужа.

— Мы с отцом не переступали через чужие жизни, но нам тоже приходилось приспосабливаться, уступать, угождать тем, кто был выше нас...

Затем женщина снова повернулась к сыну. В её голосе появились одновременно ласка и твёрдость:

— Иван, пойми... Ирина тебе не пара. У вас разные дороги. Разные миры. Ваши судьбы идут по разным параллелям.

После этих слов в комнате снова наступила тишина.

Иван ничего не ответил. Он лишь тяжело вздохнул, опустил глаза и, не сказав ни слова, быстро ушёл в свою комнату.

Родители остались вдвоём. Они добились того, чего хотели, но почему-то победа эта не принесла им облегчения.

В этот вечер прощание бывших выпускников школы получилось удивительно сухим и почти равнодушным. Казалось, вместе с последним школьным звонком исчезла та невидимая нить, которая еще недавно связывала их всех — общие мечты, надежды, юношеские тайны и первые чувства.

И первой это ощутила Ирина Сорокоумова.

Еще недавно близкий ей человек, парень, который почти два года был для нее целым миром, вдруг оказался удивительно далеким. Иван Лейкин небрежно коснулся ее щеки коротким поцелуем, словно выполняя привычный ритуал прощания, и, тихо вздохнув, произнес:

— Ириша... вот и всё. Мы вступаем во взрослую жизнь...

Он заметил растерянность в ее глазах и, словно желая придать своим словам особую значимость, добавил с некоторым пафосом:

— Для одних впереди широкая дорога, а для других — большая неизвестность...

Ирина на мгновение застыла. Она не могла понять, что произошло с тем Ваней, которого она знала все эти годы. С тем мальчишкой, который был для нее самым близким человеком на этой земле.

Она сама до конца не могла разобраться, кем он был для нее на самом деле. Любимым человеком? Или просто другом?

Но разве можно назвать другом того, о ком думаешь каждую минуту? Того, чье присутствие заставляет сердце биться чаще? Того, с кем хочется однажды просыпаться рядом и прожить всю жизнь?

Ирина тяжело вздохнула, пытаясь скрыть волнение, и с легкой улыбкой сказала:

— Ты прав, мой Ванечка... мой...

Она остановилась.

Сказать «любимый» ей не хватило смелости. В ночной тишине эти слова казались слишком откровенными. Но сказать «друг» она тоже не могла — слишком больно было бы признать, что для него она всего лишь подруга.

Она хотела быть для него единственной. Любимой девушкой. А если судьба позволит — женой.

Щеки девушки слегка порозовели, руки едва заметно задрожали. Она словно собрала всю свою волю в один последний порыв и, не позволяя себе больше отступить, тихо, но твердо произнесла:

— Ваня... я тебя люблю. Очень люблю...

Для Ивана Лейкина признание Ирины не стало неожиданностью. Он чувствовал ее отношение к себе с первых дней, когда сел за одну парту с этой стройной, красивой девушкой. Ее взгляд, ее забота, ее желание быть рядом — всё говорило о чувствах, которые она старалась скрывать.

Он замечал это всегда.

Но сейчас ему не хотелось возвращаться к прошлому. Не хотелось объяснять, почему он молчал, почему позволял ей надеяться, почему сам не сделал шаг навстречу.

Он лишь наклонился и поцеловал ее в губы. А потом, словно между прочим, тихо произнес:

— Ириша... меня в Аксеново не будет целый месяц. Семейные проблемы... нужно будет кое-что решить.

Ирина увидела, как в его глазах блеснули слезы.

Она впервые поняла: за внешним спокойствием Вани тоже скрывается боль.

И ее собственные глаза наполнились слезами.

Они стояли рядом в тишине уходящей ночи — два молодых человека на пороге взрослой жизни, еще не понимающие, что некоторые прощания становятся началом самых тяжелых испытаний.

С того памятного вечера прошло несколько десятков лет. И всё это время Ирина Сорокоумова время от времени возвращалась мыслями к той юношеской истории, которая когда-то казалась ей такой важной и почти вечной. Но теперь, спустя годы, она так и не могла дать себе однозначного ответа: была ли это настоящая

любовь двух молодых людей или всего лишь первое сильное чувство, первое восхищение, которое с возрастом неизбежно теряет свои очертания.

Старушка, сидевшая в телеге, конечно, ничего не знала о дальнейшей судьбе любимого человека. Да и откуда ей было знать? Их пути давно разошлись. Уже через неделю после выпускного вечера Иван уехал в Москву, а сама Ирина в это время находилась в Омске — она подавала документы в педагогический институт и начинала совсем другую жизнь.

У Лейкиных судьба складывалась иначе.

Старшего Лейкина вскоре назначили заместителем начальника одного из отделов Министерства сельского хозяйства. Для человека, недавно жившего в небольшом Аксеново, это был значительный шаг вверх по служебной лестнице. Правда, сам Пётр прекрасно понимал: без поддержки своего тестя, отца жены, такого стремительного продвижения, скорее всего, не произошло бы.

Поэтому он относился к жене с особым почтением и осторожностью. Берёг её, словно самое ценное, старался исполнять любые её желания и никогда не перечил. Она же прекрасно знала, что возможности её мужа ограничены и что настоящая сила находится совсем в другом месте — в кабинете её отца.

Не проходило и дня, чтобы она не позвонила отцу, Владимиру Максимову и не попросила его достать очередную редкую вещь, решить какой-нибудь вопрос или помочь с тем, что в обычной жизни для других людей было почти недоступным. А Пётр спокойно относился к этим звонкам. В конце концов, он был мужем единственной дочери высокопоставленного советского чиновника — заместителя министра сельского хозяйства огромной страны.

Владимир Максимов души не чаял в своём единственном внуке Иванушке. Мальчик почти все школьные каникулы проводил на даче у деда.

Для высших чиновников под Москвой был построен особый дачный городок. Это было совсем не то, что представляли собой

обычные дачи простых граждан. Здесь царил другой мир — ухоженный, закрытый, почти отгороженный от окружающей жизни. Свои магазины, своя охрана, свои правила. Небольшой городок больше напоминал привилегированную крепость, где обитали люди, принадлежавшие к верхушке государства.

Однако самого Иванушку хозяйственные заботы совершенно не интересовали. Да и зачем ему было вникать в дачные дела? Каждое лето он, как правило, проводил во всесоюзном пионерском лагере «Артек», где жизнь казалась гораздо ярче и интереснее.

Когда он стал старше, его отдых изменился. Теперь он наслаждался солнцем и морем на Черноморском побережье. Для семей высших руководителей существовали специальные санатории и закрытые зоны отдыха, куда обычным людям попасть было практически невозможно.

Чаще всего Иван ездил туда вместе с матерью. Дед и отец были слишком заняты. Они строили карьеру, решали важные вопросы и старались сохранить своё место в сложной системе партийно-советской номенклатуры, где успех зависел не только от способностей, но и от умения оставаться востребованным.

Через несколько дней после приезда в Москву супруги Лейкины отправились на дачу к Владимиру Максимову. Но ехали они туда не просто отдыхать. Предстоял серьёзный разговор, от которого во многом могла зависеть судьба их сына.

Максимов пригласил к себе своего давнего друга Юрия Верхованцева. Их дружба началась ещё в школьные годы. Вместе они прошли войну, оказались на одном фронте, делили все тяготы солдатской жизни. Судьба вновь свела их через пять лет после Победы — в Москве, во время торжественного парада в честь великого праздника.

С того дня они больше не теряли связи.

Жизнь развела их по разным ведомствам: Максимов сделал карьеру в Министерстве сельского хозяйства, а Верхованцев работал в

Министерстве иностранных дел. Но разные должности и разные сферы деятельности не смогли разрушить их давнюю дружбу.

Максимов начал строить планы на будущее внука почти с самого его рождения. Он был уверен: Иван должен получить образование, которое откроет перед ним самые широкие возможности. По его мнению, лучшим выбором был Московский государственный институт международных отношений.

В глазах старого чиновника это было куда престижнее, чем сельскохозяйственный институт или даже знаменитая Академия имени Тимирязева. Он рассуждал просто: кукурузный початок или корову-рекордсменку по надоям молока за границу не повезёшь. Там свои достижения, свои технологии, свой уровень жизни. А вот знание иностранных языков, международные связи и диплом МГИМО могли открыть двери, которые для большинства людей оставались навсегда закрытыми.

Именно об этом Максимов хотел поговорить со своим старым другом и принять решение, которое должно было определить будущее его любимого внука.

Не только об этом мечтал ответственный чиновник. В его представлениях будущее внука складывалось почти идеально. Он видел перед собой спокойную, достойную жизнь, хорошую карьеру и крепкую семью.

У Юрия Верховланцева была единственная внучка Оксана — ровесница Иванушки. Ее отец служил в советском посольстве в Польской Народной Республике. Конечно, это был не Лондон, не Вашингтон и даже не Берлин, но все же — дипломатическая работа, заграница, связи, перспективы. Для того времени это означало многое.

Пожилого мужчину особенно радовало, что со стороны родителей Иванушки никаких возражений против возможного союза не возникало. Казалось, все складывалось так, как он мечтал: две семьи, два молодых человека, которым предстояло продолжить их жизненный путь.

Но судьба распорядилась иначе.

До служебной дачи оставалось всего несколько километров. День ничем не предвещал беды. Машина спокойно двигалась по загородной трассе, когда на крутом повороте неожиданно появился новый «Москвич». Автомобиль несся навстречу с такой скоростью, будто водитель потерял всякое чувство опасности.

За рулем служебной «Волги» находился Максимов. У него оставались лишь считанные секунды на решение. Попытка уйти от столкновения была обречена: слева шел плотный поток встречных машин, а справа — глубокая канава. Дорога словно сама не оставила ему выбора.

Удар был страшной силы.

От лобового столкновения передняя часть «Волги» превратилась в искореженный металл. Машину отбросило в кювет. Те, кто находился впереди, погибли мгновенно. Для них все закончилось в одно мгновение — без предупреждения, без последнего слова, без возможности проститься.

Пассажиры заднего сиденья получили тяжелые травмы. Любовь Лейкина была доставлена в больницу с переломами обеих ног. Ее сын Иван чудом остался жив, но его правая рука была сильно повреждена.

Виновник аварии также погиб на месте.

Позже выяснились обстоятельства, от которых становилось еще тяжелее. В тот день он приобрел новую машину. Радость от покупки решил отметить в ресторане. Там были тосты, застолье, разговоры, уверенность в собственной удаче. А потом он сел за руль и выехал на дорогу.

Расследование государственной автомобильной инспекции установило еще одну деталь: водительское удостоверение житель Молдавии получил не благодаря знаниям и навыкам, а попросту купил его.

Цена этой подделки оказалась страшной. Она стоила нескольких человеческих жизней и разрушила судьбу целой семьи.

Для Ивана Лейкина после той аварии началась другая жизнь — жизнь постоянной борьбы и унижения.

Его мать больше двух месяцев находилась в больнице. Врачи сделали все возможное, но прежней жизни ей вернуть уже никто не мог. Еще сравнительно молодая женщина стала инвалидом до конца своих дней. Передвигалась она тяжело, опираясь на трость, каждый шаг напоминал ей о том роковом дне.

Ивану сделали несколько операций на поврежденной руке. Лучшие специалисты столицы старались помочь ему, но восстановить прежнюю подвижность так и не удалось. Правая рука больше никогда не стала полноценной.

А ведь когда-то у него были надежды. Были планы, мечты, вера в будущее. После аварии, о которой писали газеты, все словно изменилось в одно мгновение. Люди, которые еще вчера улыбались ему, искали встречи, старались быть полезными, вдруг исчезли.

Слава, связи, уважение — все оказалось ненадежным.

Когда семья была сильной и влиятельной, рядом находились многочисленные знакомые. Но стоило им столкнуться с бедой, как большинство из них предпочло забыть о существовании Лейкиных. Чужое несчастье оказалось слишком тяжелым грузом для тех, кто привык быть рядом только с успехом.

На закате эпохи перестройки Любовь Лейкина сломалась окончательно. Боль, инвалидность, одиночество и разочарование постепенно разрушали ее изнутри. Она начала пить. Не громко, не скандально — просто медленно уходила из жизни, потеряв всякую надежду.

Через некоторое время она умерла.

Иван остался один.

Многие годы он не мог найти нормальную работу. Да и кто хотел связываться с молодым человеком с тяжелой травмой, ограниченными возможностями и без прежних связей? Он жил на небольшое пособие, которое когда-то получала мать, иногда помогала старенькая бабушка.

А потом пришли девяностые.

Время, когда рушились не только государства и привычные порядки, но и судьбы миллионов людей. Семья Лейкиных, которая когда-то считалась вполне обеспеченной, окончательно оказалась на дне.

После смерти матери с Иваном произошла еще одна трагедия. При странных обстоятельствах он лишился квартиры. Попытки вернуть свое имущество ни к чему не привели. Закон оказался бессилён перед деньгами и связями. Адвокаты требовали такие суммы, что он даже не мог представить, где их взять.

Молодой мужчина, который когда-то имел дом, семью и надежды на будущее, постепенно оказался на улице.

Он начал пить.

Потом исчез из жизни тех немногих людей, которые еще могли его помнить. Бывший сын уважаемой семьи, человек, которому когда-то прочили совсем другую судьбу, превратился в одного из тысяч бездомных, ночевавших на вокзалах Москвы.

Там, среди равнодушного людского потока, и оборвалась его жизнь.

Его убили.

Так одна случайная встреча двух автомобилей на загородной трассе перечеркнула сразу несколько судеб. Погибли люди, рухнули мечты, исчезли надежды. А самое страшное заключалось в том, что трагедия закончилась не в день аварии — она продолжалась еще долгие годы, медленно забирая у оставшихся в живых все, что у них когда-то было.

Глава четвертая

Пленники собственного выбора

Разрыв с Иваном Лейкиным Ирина Сорокоумова переживала мучительно. Она не пыталась обманывать себя и честно признавалась: дело было не только в любви. Иван казался ей человеком, который мог стать билетом в другую жизнь — помочь выбраться из глухой сибирской глубинки, где каждый новый день ее угнетал, приводил в уныние.

Настоящее также не придавало молодой девушке какого-либо оптимизма. Родители, еще недавно пользовавшиеся влиянием в районе, оказались бессильными что-либо изменить в жизни своей дочери в лучшую сторону.

В Аксеново произошла неожиданная смена власти. Вместо Лейкина руководить районом прислали молодого партийного руководителя из соседней области. Новый хозяин кабинетов оказался человеком решительным. Он быстро избавился от тех, кто долгие годы верой и правдой служил прежним начальникам, превратив местную власть в замкнутый круг своих людей.

Для жителей района это стало глотком свежего воздуха. После почти двадцати лет застоя многие впервые поверили, что перемены возможны.

Однако для семьи Сорокоумовых эти перемены обернулись настоящим ударом.

Отец и мать были вынуждены написать заявления об увольнении. До Ирины доходили тревожные слухи: новый руководитель грозился привлечь ее мать к уголовной ответственности за финансовые махинации и служебные злоупотребления, допущенные при прежнем начальстве. Насколько эти обвинения соответствовали действительности, никто не знал, но страх поселился в доме надолго.

Лишился работы и водитель служебной черной «Волги» Николай Крюков — человек, которого еще вчера считали почти незаменимым.

Сама Ирина тоже оказалась словно в ловушке.

На нее обрушились одна неудача за другой. Она по-прежнему не могла забыть своего бывшего одноклассника. Каждый день ждала письма или телефонного звонка, но он молчал. Хотя прекрасно знал и ее адрес, и номер телефона.

Не оправдались и надежды на учебу. При поступлении в институт Ирина не выдержала конкурс.

Поиски работы не принесли успеха. Ни в областном центре, ни в родном районе для молодой девушки места не нашлось. Казалось, сама жизнь захлопнула перед ней все двери.

Некоторое время вся семья оставалась без заработка. Но вскоре родителям пришлось смириться с новой реальностью и вернуться туда, откуда когда-то начинали свой трудовой путь. Отец устроился грузчиком в продовольственный магазин, мать — уборщицей на трикотажную фабрику. После прежнего положения это было тяжелым испытанием, однако выбора у них не оставалось.

Ирина болезненно переживала происходящее. Ей казалось, что мечты о другой жизни рассыпаются прямо у нее на глазах. Она все чаще думала, что судьба окончательно отвернулась от нее.

Но иногда именно тогда, когда человек перестает ждать чуда, жизнь неожиданно меняет свое течение.

Спустя два месяца в квартире Сорокоумовых ранним утром зазвонил телефон.

Ирина сняла трубку.

Ей сообщили, что на факультете, куда она пыталась поступить, неожиданно освободились места: по неизвестным причинам оказался недобор студентов. Ей предложили занять одно из них.

Не веря своему счастью, Ирина долго стояла с телефонной трубкой в руках. Казалось, после бесконечной череды разочарований судьба наконец решила подарить ей шанс.

Через несколько дней девушка уже ехала в Омск — навстречу новой жизни, еще не подозревая, что самые серьезные испытания и самые важные встречи ожидали ее впереди.

Прошло полгода после выпускного вечера и последней встречи Ирины с Иваном Лейкиным. За это время недавнее прошлое постепенно тускнело, растворяясь в новых заботах и впечатлениях студенческой жизни. Прежде всего из ее мыслей уходил Иван. Еще совсем недавно она надеялась написать ему или хотя бы позвонить, но с каждым днем эта надежда становилась все слабее, пока почти не угасла.

Тем временем по району не утихали разговоры о семье Лейкиных. Люди пересказывали самые разные истории, и любопытно было одно: чем тяжелее становилась жизнь, тем теплее вспоминали бывшего руководителя района. Многие говорили, что при Лейкине, несмотря на все недостатки, хотя бы не было перебоев с хлебом и чувствовалась какая-то стабильность. Теперь же, с приходом нового начальника Проскурина, положение заметно ухудшилось.

Не прошло и полугодя, как Проскурин построил для себя настоящий особняк — двухэтажный дом из красного кирпича, расположенный в небольшом сосновом бору, в двух километрах от Аксеново. Впрочем, подобной роскошью в Сибири уже мало кого можно было удивить. В советской административной системе служебные привилегии, ведомственные дачи и прочие знаки высокого положения давно стали привычной частью жизни партийной номенклатуры.

О простых людях новый руководитель, казалось, думал меньше всего. Все его внимание было сосредоточено на собственном благополучии. Невысокий, нескладный мужчина с широкой плечью пользовался в районе сомнительной славой неисправимого любителя женского общества. Поговаривали, что любовниц он менял с завидной регулярностью, а самые преданные из них

неожиданно получали теплые места в районной администрации или быстро продвигались по служебной лестнице.

Не меньше жителей поражала его профессиональная несостоятельность. Казалось, Проскурин был рожден не руководителем, а чиновником, существующим исключительно среди бумаг и готовых инструкций. Любое выступление — будь то собрание районного актива или визит в детский сад — он произносил исключительно по заранее подготовленному тексту.

Речи писали помощники, затем печатали крупным шрифтом, чтобы начальнику было легче читать. Но даже это не всегда помогало. Он часто сбивался, путал слова, надолго замолкал, словно пытаясь понять смысл только что прочитанной фразы. Эти неловкие паузы порой вызывали у слушателей едва сдерживаемые улыбки.

О жизни района Ирина узнавала во время каникул и праздников, когда приезжала к родителям. Те с неизменным удовольствием рассказывали дочери обо всем, что происходило в округе: о новых назначениях, сельских новостях, слухах и чужих судьбах. Ирине нравились эти домашние разговоры. Они возвращали ее в привычный мир, который, несмотря на все перемены, оставался родным.

Она замечала и другое. Родители стали жить спокойнее. Все чаще по вечерам они подолгу сидели перед телевизором, неспешно обсуждая увиденное, или просто отдыхали на диване, никуда не торопясь. Когда-то подобная размеренность казалась невозможной: хозяйство и бесконечные заботы не оставляли ни минуты свободного времени. Теперь же в их доме все чаще появлялось то редкое чувство покоя, которого раньше так не хватало.

Май окончательно вступил в свои права. Сибирское солнце щедро заливало светом проспекты и тихие улицы Омска. После долгой зимы теплые дни казались настоящим подарком, и горожане с удовольствием выходили на прогулки, наслаждаясь ласковым воздухом и молодой зеленью.

После занятий первокурсница Ирина Сорокоумова решила немного пройтись по городу. Незаметно для себя она вышла к железнодорожному вокзалу — месту, которое всегда притягивало ее особенной атмосферой.

Здесь постоянно переплетались человеческие судьбы: одни возвращались домой после долгих разлук, другие ехали в гости к родным, третьи отправлялись навстречу неизвестности, оставляя за спиной привычную жизнь. Каждое прибытие и каждое отправление были наполнены надеждами, радостью встреч или горечью расставаний.

Ирина вышла на перрон и медленно пошла вдоль состава, готовившегося к отправлению в Москву.

Возле одного из вагонов она заметила молодого человека с короткой стрижкой и мужчину средних лет. Старший крепко обнимал парня и не пытался скрывать слез. Их горе было таким искренним и глубоким, что девушка невольно замедлила шаг. Она сразу подумала, что перед ней отец и сын.

Мужчина вновь прижал сына к себе и, дрожащим от слез голосом, произнес:

— Николай, сынок... Ну почему она так рано ушла? Почему?.. За что нам такое?..

Молодой человек в спортивном костюме крепче обнял отца. По его щекам тоже катились слезы.

— Папа... — едва слышно ответил он. — Я сам не понимаю... Почему мама ушла так рано...

Эти простые слова, полные безысходной боли, глубоко тронули Ирину. Она почувствовала, как к горлу подступил комок. Невольно остановившись, девушка украдкой смахнула выступившую слезу. Она не знала этих людей, но чужое несчастье вдруг стало удивительно близким. Не желая нарушать их тяжелое прощание, Ирина тихо прошла мимо и направилась к голове поезда.

Через несколько минут она вернулась назад.

Отца на перроне уже не было. Возле вагона стоял только молодой человек. Его покрасневшие от слез глаза были устремлены куда-то вдаль, словно он все еще не мог поверить в случившееся.

Заметив Ирину, он нерешительно шагнул ей навстречу.

— Извините... Мне кажется, я видел вас здесь совсем недавно...

Он внимательно посмотрел на девушку, будто пытаясь что-то вспомнить, и неуверенно спросил:

— Вы... случайно не наша родственница? На похороны мамы многие обещали приехать, но так и не смогли...

Ирина слегка покачала головой.

— Нет... Мы незнакомы. Просто я случайно оказалась здесь. Сначала даже не поняла, что произошло... А потом увидела вас с отцом...

Николай на мгновение опустил глаза. Скулы напряженно дрогнули.

— Простите... Наверное, глупо было спрашивать.

Он тяжело вздохнул, достал из кармана белый носовой платок и вытер лицо.

— Мне так жаль маму... Ей ведь не было даже сорока... Казалось, у нее впереди еще целая жизнь...

Он ненадолго замолчал.

— Иногда кажется... что и самому жить больше не хочется.

Неожиданно над вокзалом прозвучал голос диктора:

— Скорый поезд Новосибирск — Москва задерживается по техническим причинам. Время отправления будет объявлено дополнительно.

Эта неожиданная новость не огорчила молодых людей. Напротив, судьба словно подарила им еще немного времени, чтобы побыть вместе.

Николай Лагутин, курсант Московского высшего общевойскового командного училища, целиком отдавал себя учебе. Военная дисциплина и напряженный распорядок не оставляли места для романтических увлечений. Он редко пользовался увольнениями, предпочитая лишние часы проводить за учебниками или на спортивном городке. До встречи с Ириной в его жизни не было девушки, которая сумела бы затронуть сердце.

Ирина Сорокоумова тоже переживала непростой период. После расставания с Иваном Лейкиным она замкнулась в себе. Внимания со стороны молодых людей ей хватало — многие пытались за ней ухаживать, но ни один не смог вызвать в ней искреннего чувства. Казалось, сердце девушки еще не было готово вновь довериться кому-то.

Поезд задержался почти на полчаса. За это время молодые люди успели съесть по порции мороженого, разговориться и незаметно для себя перейти от обычных вопросов к откровенным признаниям. Каждый рассказывал о своей жизни, мечтах, надеждах и планах. С каждой минутой между ними исчезала неловкость, уступая место удивительному ощущению душевной близости.

Когда наконец объявили посадку, Николаю было особенно трудно расставаться с новой знакомой.

— Можно я буду писать вам? — немного смущаясь, спросил он.

Ирина улыбнулась, записала свой домашний адрес и тихо ответила:

— Пишите. Я обязательно буду отвечать.

Для Николая эти слова прозвучали как обещание, которому он безоговорочно поверил.

Пожилая женщина, сидевшая в повозке, едва заметно улыбнулась и тяжело вздохнула. Воспоминания вновь захлестнули ее, словно давняя река, берега которой давно скрылись за дымкой времени.

Во время учебы Николай писал Ирине почти каждую неделю, а иногда отправлял и по два письма. Несмотря на постоянную занятость, он всегда находил время рассказать о своей жизни, поделиться переживаниями и надеждами. Часто вкладывал в конверты собственные стихи. К своему удивлению, они получались искренними и теплыми, словно сами рождались под влиянием первой любви.

Ответы Ирины приходили редко. За все годы учебы она написала ему не более десятка писем. Но каждое из них Николай перечитывал бесчисленное количество раз, стараясь уловить между строк то, что не всегда можно выразить словами.

Не раз он приглашал Ирину приехать в Москву. Однако всякий раз она находила причины отказать: то не хватало времени, то подводило здоровье, то требовалась помощь родителям. Николай не настаивал. Он понимал, что, будучи курсантом, не смог бы окружить любимую девушку тем вниманием, которого она заслуживала. Да и средств для этого у него почти не было.

Зато во время каникул, особенно летних, каждое их свидание становилось для него настоящим праздником. Он все сильнее привязывался к Ирине, будущей учительнице русского языка и литературы. Ее доброта, скромность и внутреннее достоинство покоряли его все глубже.

Постепенно Николай осознал простую истину: Ирина стала его первой настоящей любовью. И тогда ему казалось, что это чувство останется с ним навсегда.

Во время редких встреч Николай не мог не замечать едва уловимой отчужденности Ирины. Она оставалась приветливой, но между ними словно существовала невидимая стена, которую он ощущал всем сердцем. Иногда тревожные мысли становились почти невыносимыми, однако он всякий раз отгонял их. Ему хотелось

верить, что после свадьбы все изменится, что семейная жизнь сблизит их окончательно и растопит холодок, который пока разделял их.

Эта надежда окрепла, когда Лагутину присвоили первое офицерское звание — лейтенант — и направили для дальнейшей службы в Группу советских войск в Германии.

Для молодых офицеров Советской Армии назначение в Германскую Демократическую Республику считалось большой удачей. Да и не только для них. Многие чиновники огромной советской бюрократической системы мечтали оказаться в этой небольшой социалистической стране, расположенной в самом сердце Европы. По сравнению с привычной советской действительностью она казалась почти недостижимым островком благополучия.

Свадьбу сыграли в июле, в Аксёново. Гуляли два дня. Все хлопоты по организации торжества и все расходы Николай взял на себя. Он не жалел ни сил, ни денег — ему казалось, что начинается самая счастливая глава его жизни.

Но уже в день свадьбы эта уверенность дала первую трещину.

Когда последние гости разошлись, молодожёны решили прогуляться по вечернему городу. Стоял тёплый сибирский вечер. Незаметно они вышли к городскому парку. Впрочем, назвать его парком можно было лишь с большой натяжкой: покосившийся забор, несколько старых, почти засохших деревьев и редкие скамейки скорее навевали ощущение запустения, чем располагали к отдыху.

Николай предложил Ирине присесть. Сам сел рядом, осторожно обнял её и нежно поцеловал.

Она сразу же отстранилась. В её взгляде не было ни смущения, ни нежности — только холодное, почти презрительное равнодушие.

— Николай, я тебя не люблю... И никогда не любила.

Эти слова прозвучали спокойно, без колебаний, словно были давно подготовлены.

Увидев, как побледнел муж, Ирина, будто желая поставить окончательную точку, добавила:

— Всё равно я от тебя уйду.

Николай медленно покачал головой. На его лице появилась болезненная улыбка. Он молча взял жену за руку, и они неторопливо направились к выходу из парка. За всю дорогу он не произнёс больше ни слова.

Первая брачная ночь так и не состоялась. Утомлённая долгим застольем, шампанским и бесконечными поздравлениями, Ирина отвернулась к стене и почти сразу уснула.

Николай же не сомкнул глаз до самого рассвета.

Мысли сменяли одна другую. Он пытался понять, где ошибся, вспоминал их встречи, каждое сказанное слово, каждый взгляд. На смену отчаянию приходили надежда, затем сомнения, затем снова надежда. К утру он принял решение, которое казалось ему единственно возможным.

Он любил Ирину. Любил слишком сильно, чтобы отказаться от неё после одного страшного признания. Он был уверен, что сможет заслужить её любовь, и поклялся самому себе сделать всё, чтобы однажды она стала ему не только женой по документам, но и самым близким человеком.

Оставшиеся дни отпуска стали для молодого офицера первым серьёзным испытанием в семейной жизни. Казалось бы, впереди должно было быть самое счастливое время — ожидание свадьбы, радость встречи с любимым человеком, мечты о будущем. Но вместо этого Николай Лагутин оказался в центре тяжёлой внутренней борьбы.

Лишь через неделю после долгих уговоров и настойчивых разговоров Ирина Сорокоумова согласилась зарегистрировать с

ним брак в ЗАГСе. Это решение далось ей нелегко. Она всячески пыталась оттянуть этот момент, находя одну причину за другой.

Ирина говорила, что ещё не готова к семейной жизни. Потом заявляла, что вообще не хочет иметь детей. А когда все доводы, казалось, были исчерпаны, она выдвинула последний, самый болезненный аргумент:

— Я тебя не люблю.

Для любого другого человека эти слова могли бы стать приговором. Но Николай не отступил. Он словно чувствовал, что за её холодностью и упрямством скрывается не отсутствие чувств, а страх перед неизвестным будущим.

Он хорошо знал: другого мужчины в её жизни не было. Да и быть не могло. Об этом он узнал случайно из разговора со своим будущим тестем.

Михаил Сорокоумов, изрядно выпив, неожиданно начал обвинять собственную дочь. Причём делал это в присутствии жениха, человека, который души в Ирине не чаял. В какой-то момент он даже назвал её «хавроньей» и никудышным ребёнком.

Лагутин слушал его и не мог понять, что происходит. Он смотрел на отца своей будущей жены и пытался найти объяснение: почему человек, который должен был защищать и любить свою единственную дочь, так жестоко унижает её перед тем, кто готов был посвятить ей всю свою жизнь?

Регистрация брака тоже не обошлась без неожиданностей.

В назначенный день молодожёны вместе с другом Николая и подругой Ирины вышли из автобуса и направились по узкой асфальтированной дорожке к старому деревянному двухэтажному дому. На первом этаже, в небольшой комнате, располагался местный ЗАГС.

Николай шёл впереди. Он двигался быстро, уверенно, почти по-военному — так, словно снова находился на строевом плацу и шёл к цели, которую нельзя потерять. Ирина немного отставала.

И вдруг перед ними, метрах в десяти, через дорожку стремительно перебежала большая чёрная кошка.

Она была настолько чёрной, что казалась вырезанной из ночной тени.

Ирина остановилась, словно её ударило током. Лицо её изменилось, она испуганно присела и через мгновение разрыдалась. Друг и подруга тоже замерли. Несмотря на молодость, они прекрасно знали народные приметы и все связанные с ними тревоги.

Чёрная кошка... И именно перед ЗАГСом.

Они переглянулись, будто без слов приняли одно и то же решение. Несколько секунд стояли неподвижно, затем молча развернулись и пошли обратно.

Молодожёны не осудили их поступок. Они всё понимали. Ведь друзья уже знали о помолвке, а настоящая свадьба была назначена на осень. Возможно, в их глазах это было предупреждением судьбы.

Но Николай Лагутин не верил в дурные приметы. Он прекрасно понимал: это его последний шанс обрести счастье. Он расправил плечи, поправил пиджак и крепко взял Ирину за руку.

В этом движении было столько решимости, что она сразу поняла: сопротивляться бессмысленно. Да и, наверное, где-то глубоко в душе уже не хотела сопротивляться.

Перед тем как войти в комнату регистрации, они почти полчаса готовились к этому важному моменту. Ирина то и дело смотрела в маленькое круглое зеркальце, стараясь убрать следы слёз, поправить размазавшуюся тушь и вернуть лицу спокойное выражение.

Лейтенант Советской Армии Николай Лагутин и студентка Ирина Сорокоумова стали мужем и женой быстро, почти буднично. Без долгих церемоний и лишних формальностей. Для военнослужащих Советской Армии существовал особый порядок: их брак могли зарегистрировать в любом месте Советского Союза и практически в любое время.

Через полчаса супруги Лагутины держали в руках свидетельство о браке. На его зелёной обложке был изображён герб Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Для Николая это был не просто документ. Это было доказательство того, что он победил обстоятельства, сомнения и страхи. Теперь у него была семья.

Однако впереди оставалось ещё немало трудностей. Не обошлось без проблем и при оформлении документов для приезда Ирины Лагутиной к месту службы мужа.

Прошли десятилетия.

Пожилая женщина, прожившая уже большую часть жизни, всё ещё не могла понять одну вещь: почему когда-то она так упорно не хотела любить этого молодого, симпатичного офицера? Почему отвергала человека, который был готов сделать её счастливой?

Она не понимала этого тогда — полвека назад.

Не понимала и теперь.

Глава пятая

Карьера, которой не стало

После оформления всех необходимых документов и получения заграничного паспорта Ирина Лагутина оказалась в Бресте —

городе, который для многих был последним рубежом перед неизвестностью и новой жизнью.

Поезд уже тяжело дышал паром, готовясь отправиться в дальний путь, когда Ирина поднялась в свой купейный вагон. Она аккуратно положила небольшой чемодан на багажную полку и поздоровалась с попутчиками.

В купе находились трое молодых мужчин. Все они были одеты в добротные спортивные костюмы. С первого взгляда становилось понятно — это не обычные пассажиры. Их выдавали короткие военные стрижки, крепкие фигуры и та особая выправка, которую невозможно приобрести только занятиями спортом.

Ирина невольно улыбнулась, вспомнив своего отца и доцента истории Хомякова. В памяти сразу возникла знакомая картина: отец с годами всё больше обзаводился солидным животом, а Хомяков, несмотря на сравнительно молодой возраст, двигался тяжело и медленно, словно за плечами у него был невидимый груз прожитых лет. Рядом с этими молодыми офицерами особенно ярко ощущалась разница между энергией молодости и усталостью зрелости.

Появление в купе красивой молодой женщины заметно изменило настроение мужчин. В их взглядах появился живой интерес, а в поведении — желание проявить внимание и заботу. Они старались быть предупредительными, предлагали помощь, окружали Ирину ненавязчивым вниманием.

Она отправилась в туалетную комнату, переоделась в дорогу и, вернувшись через несколько минут, открыла дверь купе.

То, что она увидела, заставило её остановиться.

На небольшом столике стояла бутылка шампанского, коньяк, аккуратно разложенные закуски и коробка дорогих конфет. Молодые офицеры явно приготовили этот маленький дорожный праздник в её честь.

Ирина слегка вскрикнула от неожиданности, и в ту же секунду мужчины окружили её. Она заметила их взгляды — открытые, восхищённые, почти жадные. Они не скрывали своего интереса к ней.

Но среди всех троих её внимание сразу остановилось на одном.

Его звали Василий. Высокий, привлекательный, с густыми чёрными волосами и уверенной улыбкой, он сразу выделялся среди остальных. Сердце Ирины неожиданно дрогнуло. Ей всегда нравились мужчины с густыми, слегка вьющимися волосами. В этой детали было что-то необъяснимо притягательное.

Вечер пролетел незаметно. Разговоры, смех, бокалы шампанского — всё смешалось в один поток эмоций. Ирина сама не могла понять, почему так легко позволила себе забыть обо всём, что осталось позади.

Она уже спала, когда почувствовала лёгкое прикосновение к плечу.

Открыв глаза, она увидела в полумраке знакомое лицо. Это был мужчина, который с первых минут привлёк её внимание.

Через мгновение их губы встретились...

До прибытия поезда на станцию немецкого города Магдебург оставалось около трёх часов.

Всю дорогу капитан Юрий Сухоруков и жена лейтенанта Лагутина стояли в коридоре вагона, разговаривая о будущем.

Юрий уверял её, что он совершенно свободен. Он даже достал удостоверение личности, словно хотел доказать правдивость своих слов. Рассказывал о перспективах службы, о возможностях карьерного роста, о будущем, которое открывалось перед ним.

Ирина слушала молча.

Иногда она лишь улыбалась и машинально проводила рукой по его густым волосам.

Она не скрывала от себя: этот мужчина ей нравился. Не только своей внешностью. В нём было что-то, что заставляло её забывать обо всём. Воспоминание о страсти, пережитой несколько часов назад, всё ещё жило в ней.

Но вместе с этим в её душе росло беспокойство.

Ехать ли за первым встретившимся офицером к месту его службы? Строить ли свою дальнейшую жизнь рядом с человеком, которого она знала всего несколько часов?

Эти вопросы мучили её, но были не самыми главными.

Главным было другое.

Беременность.

Иногда Ирина кусала губы, пытаясь понять, как всё произошло. Она ведь старалась избегать близости с мужем. Ей казалось, что она сделала всё возможное, чтобы этого не случилось.

Теперь её совершенно не волновали переживания Николая, его боль, его растерянность. Между ними давно исчезли любовь и душевная близость.

Но как воспримет её новость Юрий?

Она до сих пор ничего ему не сказала.

Она боялась разрушить тот хрупкий мир, который только начал возникать между ними.

Внезапно поезд начал замедлять ход.

Заскрипели тормоза. За окном появились первые огни города.

Состав остановился.

Ирина взяла свой небольшой чемодан, на мгновение задержалась у двери, слегка коснулась губами щеки своего случайного спутника и решительно вышла на перрон.

Холодный воздух ударил ей в лицо.

Она подняла глаза...

И замерла.

Перед ней стоял Лагутин.

Её муж.

Тот самый человек, которого она уже мысленно оставила в прошлом.

В его руках был огромный букет цветов.

Он улыбался и смотрел на неё так, словно ждал возвращения самого дорогого человека в своей жизни.

А Ирина стояла напротив него, сжимая ручку чемодана, и впервые за долгое время почувствовала настоящий страх.

Социалистическую Германию девушка из далёкой сибирской провинции встретила с восторгом, словно попала в другой мир. Её радовала не только возможность жить в достатке, которого она прежде никогда не знала, но и само ощущение изобилия. Магазины, витрины, красивые вещи, незнакомые ранее женские мелочи — всё это кружило ей голову.

Ирина Лагутина с первых месяцев пребывания в ГДР полюбила немецкие магазины. Почти каждый свободный день она посещала их вместе с подругами. Будь это небольшой немецкий городок, где дислоцировался мотострелковый полк, или города покрупнее.

Она тщательно следила за своей внешностью, любила хорошо одеваться и никогда не упускала возможности обновить гардероб.

В её шкафу постепенно появились десятки нарядов: костюмы, юбки, брюки, платья. Но настоящей страстью стали парики — модное увлечение семидесятых годов. У Ирины их было четыре. Сегодня она могла выйти из дома брюнеткой, завтра — шатенкой, а через несколько дней превратиться в ослепительную блондинку.

Иногда это доходило до забавного. Николай, возвращаясь после службы, порой с трудом узнавал собственную жену. Он смотрел на неё и с улыбкой спрашивал:

— Ирина, а ты сегодня кто?

Жена смеялась. Ей нравилось внимание, нравилось ощущение перемен.

Она прекрасно понимала, что весь этот красивый мир появился благодаря труду мужа. Лагутин почти не бывал дома. Служба офицера в Советской Армии не знала ни праздников, ни выходных. Учения, проверки, наряды, совещания — всё это забирало у него почти всё время.

Иногда одиночество тяжёлым грузом ложилось на плечи молодой женщины. Но Ирина быстро привыкла к такой жизни. Она знала: многие офицерские жёны живут так же — мужа уходят ранним утром и возвращаются поздним вечером.

От скуки её спасала маленькая дочь Таня и общение с другими офицерскими семьями. В части регулярно проводились различные мероприятия: концерты, собрания, встречи в офицерском клубе. Иногда Ирина посещала женские собрания.

На таких мероприятиях часто говорили о Николае. Командир части и заместитель по политической части отмечали его старание, дисциплину, профессионализм и отношение к семье. Молодой офицер Лагутин действительно пользовался уважением начальства.

Сам Николай искренне радовался этим словам. Для него служба была не просто работой — это была его жизнь. Похвала командиров укрепляла уверенность, что он идёт правильным путём. Он строил планы, мечтал о новых званиях и больших должностях.

Но удивляло его одно: жена почти никак не реагировала на его успехи.

Ирина знала, что портрет мужа висел на доске почёта части, затем соединения. Она слышала, как его хвалили командиры. Но всё это проходило мимо неё.

Ей было безразлично, какое у него звание, какую должность он занимал, какие перспективы открывались перед ним. Она даже не всегда могла точно объяснить знакомым, где служит её муж.

Для неё существовал только один факт: сначала они жили в Германии, потом переехали в Грузию. Всё остальное казалось ей неважным.

Иногда её равнодушие принимало почти комичные формы.

Однажды пятилетняя Таня гуляла возле строевого плаца мотострелкового полка. Вдруг она увидела отца на трибуне среди командиров. Возбуждённая увиденным, девочка прибежала домой, бросилась к матери и, крепко обняв её, закричала:

— Мама! Смотри! Наш папа стоит на трибуне, а вокруг него столько солдат ногами топают!

Ирина рассмеялась, погладила дочь по голове и лишь кивнула.

Она не сказала девочке ни одного доброго слова об отце. Не объяснила, что солдаты не просто топают ногами, а приветствуют командира. Она промолчала.

Бывали случаи и серьёзнее.

Перед очередной заменой Николай решил приобрести автомобиль. В те годы личная машина была мечтой миллионов советских людей. Особенно для офицера, который много лет служил вдали от дома.

Он осторожно поделился своим желанием с женой. Однако поддержки не получил.

Ирина выслушала его, нахмурилась и неожиданно резко сказала:

— Слушай, муженёк. Машину ты не купишь...

Николай удивлённо посмотрел на неё.

— Почему?

Но жена словно специально повторила:

— Не купишь. Не купишь...

Через несколько часов она уже была в местном военторге. Вернулась домой с сумками, наполненными одеждой и различными покупками.

Когда Николай увидел её из окна квартиры, он спустился вниз и молча помог занести баулы. Они были тяжёлыми.

Однако даже жена не смогла остановить его мечту.

Начальник штаба мотострелкового батальона старший лейтенант Николай Лагутин всё-таки приобрёл подержанный автомобиль. Это была экспортная «Волга» ГАЗ-21 цвета «белые ночи». Для него она стала символом того, что годы службы не прошли напрасно.

Но радости мужа Ирина не поделила.

Её не устраивала не только машина. Её всё чаще не устраивала сама жизнь рядом с офицером.

Она много думала о будущем и иногда тяжело вздыхала. Хотя, если смотреть со стороны, Николай делал для семьи всё возможное. Он не был красавцем, но и некрасивым его назвать было нельзя. Не был богатым, но и бедным не был. Он честно служил, заботился о жене и дочери.

Иногда Ирина сравнивала его с другими мужчинами. И всё чаще приходила к выводу, что её муж во многом превосходит многих из них.

Особенно ясно это стало через год, когда Николаю предложили поступить в Военно-дипломатическую академию.

Это было предложение, как правило, для лучших из лучших офицеров Советской Армии. Академия готовила военных дипломатов, сотрудников разведки, будущих представителей страны за рубежом.

На беседу пригласили не только Николая, но и его супругу. Представитель из Москвы подробно рассказал о будущих перспективах.

Перед ними открывалась совершенно другая жизнь: учёба в Москве без вступительных экзаменов, служба за границей, дипломатическая карьера, квартира, дача, машина, стабильность.

Четыре года в столице. Затем — работа в советском посольстве за рубежом.

Для семьи Лагутиных это был шанс изменить судьбу.

После разговора супруги вернулись домой. Николай долго молчал, а потом сказал:

— Ирина, не думай, что впереди будет одна только лёгкая жизнь. Трудностей будет много. Но к ним я привык. Я выдержу.

Он посмотрел жене прямо в глаза.

— Только я хочу сказать тебе честно... Все эти годы ты создавала немало проблем.

Ирина осталась равнодушной.

— Не может быть так, что я буду тянуть всю жизнь эту лямку, работать, служить, бороться, а ты будешь мешать мне идти дальше.

Жена слегка покачала головой и с привычной усмешкой ответила:

— Может, и такое быть.

Эти несколько слов поставили точку.

Карьера Николая Лагутина как военного дипломата закончилась ещё до того, как началась.

Прошло двадцать лет.

Только спустя годы Сорокоумова признала свою ошибку. Она поняла, что тогда собственными руками закрыла перед мужем дверь в другую жизнь.

Но даже признавая это, она делала это по-своему.

Однажды она сказала ему:

— Жалко, что я тогда была дурой. Не понимала, что такое жизнь. Надо было тебя уговорить идти в академию.

Она замолчала, а потом добавила с неожиданной смесью сожаления и горечи:

— Может быть, тебя бы это и погубило... Даже и убили тебя... Но я сейчас жила бы в центре Москвы и получала хорошую пенсию.

Николай ничего не ответил.

Он давно привык к её словам. Не стал спорить, не стал доказывать очевидное. Просто сжал зубы и вышел из комнаты.

Иногда мужчина средних лет возвращался мыслями к прошлому. Он вспоминал ту академию, тот шанс, который когда-то оказался упущен.

Со временем он стал лучше понимать, что представляла собой военная дипломатия. В годы перестройки он много читал, узнавал о судьбах разведчиков, о сложностях этой службы, о людях, которые не выдерживали испытаний и переходили на сторону Запада.

Некоторые из них из-за предательства руководства огромной страны под названием СССР, которая доживала последние дни, были разоблачены и погибли.

И тогда Николай задавал себе вопрос: а что было бы с ним?

Но ответа уже не существовало.

Прошное не возвращается.

А карьера, которой не стало, навсегда осталась лишь одной из несбывшихся дорог его жизни.

К сожалению, военная карьера капитана Лагутина спустя всего год с небольшим оборвалась. И причиной этому стала не служебная ошибка, не приказ командования и не обстоятельства военного времени — причиной стала его жена.

Однажды между супругами вспыхнула ссора. Причина была уже не так важна — за долгие годы совместной жизни накопилось слишком много недосказанного, обид и взаимных претензий.

Лагутин пытался успокоить Ирину, говорил с ней спокойно, убеждал, что любую проблему можно решить, если разговаривать друг с другом. Но его слова не достигли цели. Жена была непреклонна.

Утром капитан ушёл на службу, надеясь, что за время его отсутствия напряжение спадёт. Однако, вернувшись в тот же день домой, он обнаружил, что жена и дочь исчезли. В квартире царила тишина. Ни записки, ни объяснений. Соседи лишь пожимали плечами — никто ничего не знал и ничего не видел.

До железнодорожного узла от военного городка было около десяти километров. Лагутин сразу понял, где нужно искать. Он обратился к командиру части с просьбой выделить машину и отправился на станцию.

На этот раз ему повезло. Начальник станции, выслушав его, вспомнил: несколько часов назад он действительно видел молодую женщину с девочкой. Они сели на поезд, отправлявшийся в сторону Москвы.

Слова начальника станции словно ударили капитана. Он сразу понял: Ирина не поехала в Москву. Скорее всего, она отправилась дальше — в Сибирь, к своим родителям, в Аксеново.

Прошла неделя. Лагутин снова оказался на этой станции. Неподалёку находилось районное почтовое отделение, где можно было сделать междугородний звонок. Ему долго не удавалось дозвониться, и только глубокой ночью в трубке наконец раздался знакомый голос.

— Ирина... — произнёс он.

Жена узнала его сразу. Несколько секунд она молчала, а затем, не сказав ни слова, положила трубку.

После этого разговора Лагутин медленно вышел на улицу. Возвращаться в часть предстояло пешком.

Ночь была тёмной. Дорога между станцией и военным городком почти не освещалась. Никаких указателей вдоль пути не было. Только редкие очертания деревьев да знакомые повороты помогали ориентироваться.

До части оставался последний участок — крутой поворот, который хорошо знали военные водители. На этом месте даже опытные шофёры всегда сбрасывали скорость. Гражданские машины тоже проходили его осторожно.

Лагутин уже почти миновал опасный участок, когда из темноты внезапно появилась легковая машина. Она двигалась слишком быстро. Яркий свет фар ударил прямо в глаза. Капитан инстинктивно зажмурился, сделал шаг в сторону и потерял равновесие.

Земля ушла из-под ног.

Он полетел вниз...

Нашли его только к обеду следующего дня. Капитан лежал у подножия невысокой скалы. Именно эта скала, как ни странно,

спасла ему жизнь: падение оказалось не таким смертельным, каким могло быть.

В окружном военном госпитале Лагутин провёл почти два месяца. Левая рука и нога были зафиксированы шинами. Врачи сделали всё возможное, и рука постепенно восстановилась. Но с ногой возникли серьёзные проблемы. После лечения капитан ещё долго прихрамывал.

Через полгода медицинская комиссия признала его негодным к дальнейшей службе, и Лагутина списали в запас.

За всё это время супруги так и не встретились и не поговорили. Ирина знала о случившемся с мужем. По просьбе Лагутина заместитель командира полка по политической части написал ей письмо, подробно рассказав о его состоянии. Но ответа не последовало.

Она не отвечала ни на письма мужа, ни на его звонки.

Между ними словно выросла невидимая стена — стена молчания, за которой каждый остался один со своей болью.

Глава шестая

Враги в собственном доме

После увольнения из армии Николай Лагутин сразу отправился в Сибирь, в Аксёново. Несмотря на горечь прошлых обид, он не оставлял надежды сохранить семью.

Через неделю супруги помирились. Во многом это произошло благодаря родителям жены. Со слезами на глазах они уговаривали единственную дочь отказаться от взаимных упрёков и начать всё сначала. Старики переживали не только за неё, но и за свою единственную внучку Татьяну. Девочка росла удивительно

смышлёной, доброй и красивой, и они боялись, что семейные распри навсегда искалечат её детство.

Спустя полгода Николай устроился военруком в местную школу. Работа пришлась ему по душе: он вновь оказался среди людей, которым мог передавать свой опыт и чувство долга. Ещё через год семье выделили двухкомнатную квартиру в самом центре города. Казалось, судьба наконец начала улыбаться Лагутину.

Вскоре у супругов родился сын.

Мальчика называли Владимиром — в честь отца Николая, человека, которого он глубоко уважал и память о котором бережно хранил в сердце.

Но рождение ребёнка не принесло в дом долгожданного счастья. Для матери этот малыш оказался нежеланным. Она не скрывала, что не хотела второй беременности, и это тяжёлым грузом легло на всю семью.

В день выписки Николай приехал к родильному дому на своей старенькой «Волге» ГАЗ-21. Как и подобает любящему мужу, он привёз жене роскошный букет цветов, а медицинскому персоналу — большой торт в знак благодарности. Он искренне надеялся, что с появлением сына всё изменится к лучшему.

Но надежды рухнули уже в первый вечер.

Едва младенец заплакал, как лицо женщины исказилось раздражением. Она медленно подошла к кроватке, словно её заставляли делать что-то против воли. В её глазах не было ни материнской нежности, ни сострадания. Она с холодным презрением посмотрела на мужа и, сорвавшись на крик, произнесла:

— Замолчи, козлиное отродье!.. И зачем только я тебя родила?..

Николай не ответил ни слова.

Он лишь крепче сжал кулаки и отвернулся. За годы службы он научился владеть собой, а сейчас понимал: любой скандал может испугать новорождённого и причинить ему вред. Поэтому он молча проглотил очередное унижение.

В тот вечер он впервые с особой ясностью осознал, что самый опасный враг порой скрывается не на поле боя, а в собственном доме.

Ирина Лагутина нигде не работала, хотя возможность устроиться была всегда. Выпускница педагогического института, она без труда могла бы преподавать в школе, но сама мысль о постоянной работе не вызывала у нее ни малейшего желания.

Едва Николай уходил из дома, Ирина устраивалась на диване. Лениво перелистывала свежие газеты, лишь скользя взглядом по заголовкам. Политика — ни большая, ни малая — ее совершенно не интересовала. Куда охотнее она брала в руки детские журналы, которые Николай выписывал для детей.

Самым приятным занятием для нее оставался телевизор. Она искренне радовалась тому, что в Аксеново наконец появилось цветное телевидение и стало доступно несколько каналов. Особенно ее увлекали зарубежные мелодрамы — истории о любви, красивой жизни и счастливых судьбах, за которыми можно было наблюдать, не задумываясь о собственной.

По большому счету, Ирина ничего не ждала от жизни. Она не строила планов, не ставила перед собой целей, не мечтала о переменах. Каждый прожитый день казался ей вполне достаточным. Главное — спокойно дожить до вечера, а о завтрашнем дне можно подумать, когда он наступит.

Иногда она невольно сравнивала себя со своими родителями. Они тоже никогда не стремились к большему, довольствуясь тем, что имели. Так же и она не видела смысла бороться за достаток, карьеру или общественное положение.

Желание мужа постоянно двигаться вперед, добиваться новых успехов, получать очередное повышение по службе казалось ей

совершенно непонятным. Ради лишней звездочки на погонах, считала она, не стоит тратить жизнь.

Какая бы власть ни приходила — коммунисты, демократы или кто-то еще, — для Ирины это мало что меняло. Она была убеждена, что жизнь все равно останется прежней. В школе училась без особого усердия, как говорят в народе, через пень-колоду. Институт окончила с большим трудом, скорее по инерции, чем благодаря настойчивости.

Попытки Николая сделать жизнь семьи ярче и интереснее тоже не находили у нее отклика. Ее вполне устраивало спокойное, однообразное существование, без стремления к переменам и новым горизонтам. Она принадлежала к тем людям, которые привыкают жить сегодняшним днем, терпеливо ожидая, что государство или очередная власть сами позаботятся о них, обеспечив необходимый минимум для жизни.

Мало того, за его служебное рвение, за упорное стремление подняться к вершине — той, которую он видел в соответствии со своими способностями и характером, — Ирина, кажется, ненавидела мужа. Но за этой ненавистью скрывалось нечто более глубокое — давняя, неутоленная месть. Она словно мстила курсанту за то, что когда-то уступила его настойчивости, стала сначала невестой, а затем женой.

Однако за все годы совместной жизни она так и не стала для него настоящей супругой. Даже любовницей — в полном смысле этого слова.

И все же в глубине души Ирину не покидало чувство невольного уважения к Николаю Лагутину. В отличие от десятков, а может, и сотен знакомых мужчин, он был человеком иной закалки. Его невозможно было сломить. Он не сдавался ни при каких обстоятельствах, сколько бы испытаний ни выпадало на его долю.

Она прекрасно понимала, что выходцу из простой крестьянской семьи, круглому сироте, почти невозможно добиться генеральских погон или занять высокое положение в советской системе. Мир, в

котором они жили, подчинялся негласным законам узкого круга избранных. Здесь наверх пробивались не только благодаря таланту и труду, но и благодаря происхождению, связям, умению угождать сильным мира сего.

Но Лагутин никогда не умел пресмыкаться. Он не заискивал перед начальством, не льстил чиновникам, особенно если видел их ограниченность или бездарность. Для него достоинство было дороже карьеры.

Порой Ирина даже удивлялась его стойкости. Все тяготы военной службы он переносил с редким терпением, словно заранее был готов платить любую цену за право оставаться самим собой.

Но сильнее всего она замечала, как тяжело Николай переживал несправедливость. Молодые офицеры, едва прибыв в часть, уже через год-два получали высокие должности, после чего без труда поступали в военные академии. В число избранных почти всегда попадали сыновья генералов, влиятельных партийных работников и представителей советской номенклатуры. Еще через несколько лет именно они командовали дивизиями, корпусами и армиями, хотя далеко не всегда превосходили других ни знаниями, ни способностями.

Лагутин прекрасно понимал истинную цену громких партийных лозунгов — «Народ и армия едины», «Партия — наш рулевой». За красивыми словами все отчетливее проступала совсем другая реальность: коррупция, клановость, чиновничество, лизоблюдство и высокомерие. Эти пороки все глубже проникали не только в армию, но и во все советское общество, постепенно разъедая его изнутри.

Впрочем, случались минуты, когда Ирина остывала. Она невольно сравнивала Николая с теми, кто когда-то пытался ухаживать за ней, и понимала, что выбирать ей, по сути, было не из кого.

Еще в школе ей нравился Иван Лейкин, но их отношения так и не сложились. В институте история повторилась. Симпатичных парней хватало, однако большинство приехало из деревень или

маленьких городков. Их бедность бросалась в глаза. Они сэкономили буквально на всем, редко получали помощь от родителей, не могли позволить себе ни красивую одежду, ни дорогие подарки.

Однажды однокурсник Виктор Коркин пригласил Ирину в кафе. Высокий рыжеволосый парень долго изучал меню, будто подсчитывая каждую копейку. В конце концов заказ оказался до смешного скромным — салат и кофе с сахаром.

Лишь позже девушка поняла истинную цель приглашения. Едва она сделала первый глоток кофе, Виктор, заметно волнуясь, признался ей в любви.

Ирина выслушала его с холодным спокойствием. Медленно поднявшись из-за стола, она насмешливо произнесла:

— Витя, если я правильно поняла, ты решил набиться ко мне в женихи?

Она окинула взглядом зал, чуть наклонилась к нему и почти шепотом добавила:

— Хоть бы привез из своей деревни бутылку самогона или кусок копченого сала... Тогда, может быть, твое предложение выглядело бы убедительнее.

Не желая продолжать унижение, она молча взяла свой черный дипломат и, не оглянувшись, направилась к выходу. Виктор так и остался сидеть за столиком — растерянный, покрасневший от стыда и не находя в себе сил произнести ни слова.

Лагутин, как и прежде, долгие годы молча терпел вспышки гнева жены, ее бесконечные упреки, колкости и жестокую месть, которая все чаще перерастала в откровенную ненависть. Он терпел не потому, что был слабым человеком. Причина крылась в другом — в его болезненной, почти слепой любви к этой красивой женщине. Он настолько сросся с ней душой, что уже не представлял своей жизни без ее присутствия, каким бы мучительным оно ни было.

Для него Ирина стала чем-то большим, чем просто жена. Она превратилась в своеобразный талисман, без которого ему казалось невозможным двигаться вперед. Ему хотелось верить, что рядом с ней он сможет преодолеть любые испытания, пережить любые удары судьбы. Но жизнь распорядилась иначе. Этот мнимый оберег не защищал его, а, напротив, словно лишал сил, превращаясь в тяжелый груз, который он нес через всю жизнь — и на военной службе, и в мирные годы.

Не стала Ирина для мужа надежной опорой и в период великих перемен, когда огромная страна стремительно менялась. Перестройка, обещавшая свободу и обновление, очень скоро обернулась хаосом, вседозволенностью и невиданным прежде разграблением государственного богатства.

Лагутин одним из первых попытался найти свое место в новой экономической реальности. Однако он прекрасно понимал: самые лакомые куски уже давно поделены.

Под красивыми лозунгами демократии и свободного рынка бывшая партийная номенклатура стремительно превращалась в новых хозяев жизни. Заводы, фабрики, месторождения, земля — все, что десятилетиями создавалось трудом миллионов людей, в считанные годы оказалось в руках узкого круга вчерашних партийных функционеров.

У капитана запаса Николая Лагутина, работавшего военруком в средней школе небольшого провинциального городка, не было ни связей, ни стартового капитала. Все его богатство составляли несколько учебных автоматов Калашникова, учебная граната, честное имя и многолетняя привычка рассчитывать только на собственные силы.

Но именно тогда Ирина вновь решила стать на пути мужа.

Лагутин с нуля организовал небольшое предприятие «Жилье для села». Нашел помещение, собрал с десятков добросовестных рабочих, пригласил пожилого, почти потерявшего зрение инженера. Оставалось завершить лишь формальности. Бухгалтера

еще не было, и Николай попросил жену помочь — всего лишь привести в порядок документы, внести несколько исправлений и напечатать список работников.

Работа занимала не больше пары часов.

Однако просьба вызвала бурю.

Ирина резко вскинула руки, словно взывала к небесам, и, едва сдерживая истерический крик, бросила:

— Слушай, начальник...

Она на мгновение замолчала, подбирая самые обидные слова, а затем почти выкрикнула:

— Да на х... мне твои деньги! И твоя карьера тоже!

Лагутин не ответил.

Он давно понял, что любые объяснения бесполезны. За долгие годы семейной жизни все слова были сказаны, все попытки что-либо изменить — исчерпаны. Их дом давно перестал быть местом покоя. Его заполнили бесконечные скандалы, взаимные упреки, холодная отчужденность, ненависть и желание причинить друг другу боль.

Годы такой жизни не прошли бесследно.

Старое ранение, полученное во время службы, все настойчивее напоминало о себе. Постоянное нервное напряжение лишь ускоряло разрушение организма. Николая начали мучить сильные приступы головокружения. Особенно опасным становилось любое резкое движение головы вверх.

Однажды это едва не стоило ему жизни.

В теплый день он отправился на велосипеде в соседнее село — просто развеяться, вдохнуть свежего воздуха, хоть ненадолго избавиться от тяжелых мыслей.

Навстречу медленно двигался колесный трактор с прицепом.

По многолетней водительской привычке Лагутин принял вправо, хотя слева дорога была гораздо шире и покрыта асфальтом. Подъезжая к трактору, он слегка поднял голову, желая взглянуть на тракториста.

В ту же секунду мир поплыл перед глазами.

Тело перестало слушаться. Велосипед резко повело вправо. Николай не успел ничего предпринять. Машина вместе с ним съехала в кювет, и он тяжело рухнул на землю.

На этот раз судьба оказалась милостива.

Он отделался лишь ушибами и царапинами.

Домой Лагутин возвращался пешком, молча катя велосипед рядом. Каждый шаг отдавался тяжелой мыслью.

«А что было бы, окажись я на той, левой стороне дороги?..»

Ответ был слишком очевиден.

И от этого становилось по-настоящему страшно.

Через полгода супруги официально оформили развод.

Из дома Николай Лагутин ушёл, как говорится, в чём был. Он оставил бывшей жене квартиру, машину, дачу, гараж — всё, что за долгие годы совместной жизни удалось приобрести. Всё, что по меркам недавнего советского прошлого считалось достатком обычной семьи. Не стал он спорить и о деньгах: выплатил алименты на детей вперёд, до их совершеннолетия, решив все юридические вопросы без скандалов и тяжб.

Однако само прощание с домом оказалось для него горьким и почти нелепым.

Перед отъездом в Омск, где было гораздо больше шансов найти работу, Николай решил попрощаться с директором школы — своим давним знакомым, бывшим военным. Возвращаться к жизни в Аксёново он не собирался. Не хотел больше бесконечных

выяснений отношений с бывшей женой, не хотел новых ссор и тяжёлых встреч с детьми.

Они немного посидели в кафе, пообедали, выпили по рюмке на прощание. Вернувшись домой, Лагутин поднялся на третий этаж и машинально сунул руку в карман брюк. Ключей не было.

Он растерянно проверил другой карман, затем ещё раз ощупал одежду. Неужели потерял? Или кто-то незаметно вытащил их?

Ответ последовал почти сразу.

За дверью раздался насмешливый голос Ирины.

— Ну что, бывший муженёк, теперь ты уже никогда не переступишь порог этой квартиры...

Она сделала короткую паузу, словно смакуя собственную победу.

— Это твой любимый сынок украл у папочки ключи. Так что уходи отсюда... и больше не возвращайся.

Николай до боли стиснул зубы. Несколько секунд неподвижно стоял перед закрытой дверью, потом молча повернулся и стал медленно спускаться по лестнице.

Он не стал кричать, не стал стучать в дверь, не ответил ни единым грубым словом. Это было не в его характере.

Через несколько минут распахнулась форточка.

На заснеженный двор один за другим полетели его вещи: заячья шапка, поношенное полупальто, небольшой саквояж.

Вот и всё имущество, с которым Николай Лагутин покидал свою семью.

Позади оставались двадцать пять лет жизни, прожитых рядом с женщиной, которую он когда-то любил всей душой. Позади оставался дом, который он считал своим. Позади оставались дети...

Из окна квартиры Ирина Сорокоумова наблюдала за бывшим мужем и не скрывала злорадной улыбки. Дети, воспитанные в постоянных упрёках и обидах матери, тоже смотрели на происходящее без сочувствия. День за днём она внушала им, что отец — чужой человек, достойный лишь презрения.

Для Николая развод стал тяжелейшим ударом.

Он страдал не столько из-за утраты имущества, сколько из-за распавшейся семьи. Особенно болела душа за детей. Судьба сложилась так, что он не смог дать им всего, что хотел и на что надеялся. Эта мысль мучила его сильнее любых материальных потерь.

Медленно, словно не замечая дороги, Лагутин брёл по улицам небольшого провинциального городка Аксёново.

С неба тихо сыпалась мелкая зимняя пороша. Снежинки ложились на его старую заячью шапку, таяли на воротнике полупальто и только усиливали чувство безысходности.

В кармане лежал почти пустой кошелёк.

Впереди была неизвестность.

Глава седьмая

Двое на разных берегах

Ирина Сорокоумова развелась в одно из самых тяжелых времен своей жизни. Вместе с ее семьей рушилась и огромная страна — Советский Союз. Привычный уклад исчезал на глазах. Государство стремительно теряло управление, предприятия закрывались, имущество растаскивалось, вчерашние ценности обесценивались, а будущее казалось туманным и пугающим.

Для одинокой женщины, оставшейся с двумя взрослеющими детьми, новая эпоха не сулила легкой жизни. Возможностей быстро разбогатеть, которыми в те годы пользовались самые предприимчивые и далеко не всегда самые честные люди, у нее не было. Она нигде не работала, а дети еще учились и сами нуждались в поддержке.

После ухода отца они все больше перенимали взгляды и привычки матери. В отличие от Лагутина, который постоянно убеждал детей получить образование и найти свое место в жизни, Ирина редко задумывалась об их будущем. Она жила сегодняшним днем, словно надеясь, что судьба сама однажды все расставит по своим местам.

Результаты такого отношения не заставили себя ждать. Татьяна училась в Омске на продавца, не связывая свою жизнь с большими мечтами. Владимир с трудом оканчивал школу и видел свое будущее в поступлении в местное профессионально-техническое училище.

Но однажды сама жизнь заставила Ирину очнуться. Дом постепенно заполняла бедность. Денег становилось все меньше, а надежд — еще меньше. То, что еще недавно казалось временными трудностями, превращалось в новую реальность.

И все же в семье произошло небольшое событие, которое принесло хоть какую-то радость. Источником этой радости стал бывший муж. После развода Лагутин освободил квартиру, и тесное жилье неожиданно стало просторнее. Казалось бы, мелочь, но в условиях постоянной бытовой скученности даже лишние несколько квадратных метров воспринимались как подарок судьбы.

Когда-то молодому офицеру выделили двухкомнатную квартиру, рассчитанную на семью с одним ребенком. Но вскоре появился второй. Дети были разнополыми, и с каждым годом становилось все очевиднее, что жить в одной комнате им неудобно.

Лагутин долгие годы добивался улучшения жилищных условий. По советским законам семья имела право на трехкомнатную квартиру. Пять лет он честно простоял в очереди, находясь в числе первых

претендентов. Однако распад Советского Союза перечеркнул все прежние правила. Очереди, существовавшие десятилетиями, исчезли практически в одночасье.

Для видимости в городской администрации Аксеново продолжал висеть длинный список нуждающихся — около трехсот семей. Но получал ли кто-нибудь квартиры по этой очереди, не знал никто. Не знали этого и Лагутины.

Теперь Ирину занимала совсем другая проблема — необходимо было искать работу.

О престижной должности она даже не мечтала. Возвращаться в школу тоже не собиралась. Учителям тогда месяцами, а порой и годами не выплачивали зарплату, а жить на одни обещания было невозможно.

Если быть откровенной, педагогика никогда не была ее настоящим призванием. В педагогический институт она поступила скорее потому, что конкурс оказался небольшим, а возможно, ей просто повезло. Работа учителя так и не стала делом всей ее жизни.

Когда-то Лагутин испытывал определенную гордость от того, что его жена получила высшее образование. Но бесконечные переезды и особенности офицерской службы почти не оставляли возможности помочь ей построить собственную карьеру. Впрочем, тогда это казалось не столь важным. Молодому офицеру вполне хватало того, что рядом была красивая, умная женщина, которую он любил.

Теперь все изменилось.

После развода Ирина уже не могла проводить дни на диване за просмотром бесконечных мелодрам. Жизнь требовала совсем другого. Дети все чаще смотрели на мать с плохо скрываемым раздражением. Они видели, что деньги заканчиваются, а единственный взрослый человек в доме по-прежнему не спешит что-либо менять. И с каждым днем это молчаливое осуждение становилось для нее тяжелее любых слов.

Наступил март.

В день своего сорокапятилетия Ирина Сорокоумова решила начать новую жизнь. Ей вдруг захотелось стряхнуть с себя накопившуюся за годы усталость, вернуть ощущение собственной привлекательности. Она давно собиралась расстаться со своими длинными светлыми локонами и сделать современную, аккуратную стрижку.

Без особого волнения Ирина вошла в небольшую районную парикмахерскую и устроилась в кресле перед большим зеркалом. Просторный зал оказался пуст. Ни одного посетителя.

Это нисколько ее не удивило. Страна переживала тяжелые времена. Большинство людей экономило буквально на всем, а те, кто успел разбогатеть, предпочитали дорогие салоны красоты. Обычные парикмахерские постепенно пустели.

Через несколько минут из подсобного помещения вышла симпатичная женщина лет пятидесяти. На ней был аккуратный синий халат из дедерона, а голову украшал безупречно уложенный светлый парик.

Ирина невольно улыбнулась.

Когда-то, во время службы мужа в ГДР, у нее самой было четыре дорогих парика. Теперь они лежали дома, бережно завернутые в бумагу и спрятанные в платяном шкафу. Продать их рука не поднималась. Пусть остаются — мало ли что приготовит жизнь.

Внимательно посмотрев на незнакомку, Ирина с улыбкой сказала:

— Значит, не я одна храню верность прежней моде и добрым воспоминаниям.

Женщина слегка поправила парик, понимающе улыбнулась.

— Недаром говорят: ворон ворона видит издалека.

Обе рассмеялись.

— Проходите, — приветливо сказала хозяйка. — Сейчас сделаем из вас настоящую красавицу.

Домой Сорокоумова вернулась уже поздним вечером. Часы показывали почти десять, когда она открыла дверь своей квартиры.

Перед сном она зашла в ванную и посмотрела в зеркало.

На мгновение ей показалось, что отражение принадлежит другой женщине.

Из зеркала на нее смотрела привлекательная блондинка с короткой, элегантной стрижкой. Лицо словно помолодело, взгляд стал увереннее, а вместе с новой прической исчезла и часть прожитых лет.

Этой ночью Ирина долго не могла уснуть.

Мысли вновь и вновь возвращались к разговору с заведующей парикмахерской Марией Огневой. Оказалось, судьбы их семей когда-то удивительным образом пересекались.

Муж Марии, майор Вячеслав Огнев, в свое время командовал танковым батальоном. Сначала он служил в танковом полку в немецком городе Росслау, затем был переведен в Забайкалье, а в отставку вышел уже подполковником.

Бывший муж Ирины, капитан Николай Лагутин, тоже проходил службу в Германии. В должности начальника штаба мотострелкового батальона он служил в Бернбурге, в той же дивизии и почти в то же время.

Совпадение оказалось настолько неожиданным, что невольно заставило Ирину задуматься. Возможно, именно эта случайная встреча станет началом событий, способных изменить ее жизнь.

Мария Огнева неожиданно предложила Ирине освоить профессию парикмахера. Та согласилась без долгих раздумий.

Она внимательно прислушивалась к советам опытной наставницы, старалась не упустить ни одной мелочи и работала с удивительным

усердием. Уже через несколько месяцев Ирина стала уверенным мастером и особенно хорошо освоила мужские стрижки.

Мужчины редко придирались к мелочам. Молодые и пожилые, густоволосые и почти лысые — каждому требовались внимание и аккуратность. С пожилыми клиентами работа шла особенно быстро. Через пять, максимум десять минут они уже поднимались из кресла, внимательно рассматривали себя в зеркале, одобрительно кивали и расплачивались.

Нередко оставляли чаевые.

Ирина быстро поняла, что их размер зависит не только от качества стрижки. Вежливость, доброжелательная улыбка, умение поддержать разговор — все это тоже имело значение.

Она обладала еще одним полезным качеством — наблюдательностью. Через большое окно парикмахерской хорошо просматривалась стоянка перед входом. Достаточно было мельком взглянуть на автомобиль клиента, чтобы примерно представить его достаток.

Владельцы стареньких «Запорожцев» обычно тщательно пересчитывали мелочь и редко оставляли больше нескольких монет. Некоторые, заметно смущаясь, долго искали деньги в потертом кошельке, прежде чем протянуть их парикмахеру.

Совсем иначе вели себя состоятельные посетители. Они приезжали на «Волгах», а позже и на первых иномарках. Среди них попадались начинающие предприниматели, которых уже называли «новыми русскими», и люди с весьма сомнительной репутацией.

Перед их приходом Ирина особенно тщательно приводила себя в порядок: делала макияж, пользовалась дорогими духами, приветливо улыбалась, старалась расположить к себе собеседника. Иногда вместе с оплатой ей оставляли щедрые чаевые, а порой — визитную карточку с приглашением встретиться.

Однако она неизменно отказывалась.

Ей не хотелось связываться с малознакомыми людьми и рисковать новой работой. После пережитых жизненных испытаний Ирина слишком хорошо знала цену стабильности. Потерять работу означало снова оказаться на грани нищеты, а этого она боялась больше всего.

Через год в Аксёново объявили районный конкурс профессионального мастерства среди парикмахеров. К удивлению многих, победительницей стала Ирина Сорокоумова. Она искренне радовалась успеху, но прекрасно понимала: немалая заслуга в этой победе принадлежала и её наставнице Огневой. Муж Огневой занимал должность в районной администрации и курировал сферу бытового обслуживания населения, поэтому его поддержка оказалась весьма кстати.

Свою роль сыграла и районная пресса.

Однажды в парикмахерскую заглянул главный редактор газеты «Сибирь трудовая» Николай Сиваков. Представительный, уверенный в себе мужчина остался в восторге не только от новой причёски, но и от самой мастерицы. Покидая салон, он оставил щедрые чаевые и визитную карточку.

Спустя два дня Сиваков позвонил Ирине прямо на работу. Почти пять минут он настойчиво, но обходительно уговаривал её приехать к нему на дачу, где собирался устроить небольшой дружеский вечер. Сорокоумова вежливо отказалась, сославшись на болезнь сына.

Положив трубку, она неожиданно почувствовала сожаление. Уже несколько лет в её жизни не было ни близкого мужчины, ни простого человеческого тепла. Она привыкла жить ради детей и работы, однако одиночество всё чаще давало о себе знать.

Их встреча всё же состоялась — неделей позже.

В тот день вышел свежий номер «Сибири трудовой». Сиваков лично привёз в парикмахерскую целую пачку газет. На первой полосе красовалась цветная фотография улыбающейся Ирины, а рядом —

большой материал о лучшем мастере района, её профессиональном пути и любви к своему делу.

Во время технического перерыва редактор попросил сотрудников собраться. В небольшом коллективе работали всего три женщины. Сиваков долго и обстоятельно говорил о том, какую важную роль играют парикмахеры в жизни сельских жителей, благодарил коллектив за добросовестный труд и особенно выделил Сорокоумову как пример настоящего профессионала.

От столь неожиданного внимания Ирина смутилась и заметно покраснела. Никогда прежде она не становилась героиней газетной публикации, не привыкла к похвалам и публичному признанию. Всё это казалось ей почти невероятным.

Но вместе с признанием в её жизнь пришло ощущение, что начинается новая глава. Она всё чаще ловила себя на мысли, что устала жить одними обязанностями и постоянными самоограничениями. Хотелось почувствовать себя не только и хорошим специалистом, но и просто женщиной.

Тем же вечером Ирина приняла приглашение Сивакова и приехала к нему домой. Жена и дети редактора находились в отпуске на Чёрном море, поэтому дом был пуст. Они долго разговаривали, вспоминали молодость, смеялись, пили чай, который незаметно сменился вином. Между ними возникла близость, к которой оба были готовы уже несколько дней. Расставаясь, они договорились увидеться через неделю.

Однако новой встрече не суждено было состояться.

На следующее утро заведующая парикмахерской, едва увидев Ирину, подошла к ней, слегка похлопала по плечу и с загадочной улыбкой произнесла:

— Ирина Батьковна, ну всё... Теперь ты у нас настоящая знаменитость. И не только в Аксёново.

Заметив недоумённый взгляд подчинённой, она поспешила успокоить её:

— Не пугайся. Сейчас всё объясню.

Она пригласила Ирину пройти в свой кабинет — крохотное помещение, отделённое от коридора тонкой перегородкой из прессованного картона. Здесь можно было спокойно поговорить без посторонних ушей.

Известие, которое сообщила Огнева, ошеломило Ирину. Даже не ошеломило — потрясло.

Ей предстояло обслуживать самых влиятельных людей Аксеново. Руководители района, как и их жены, почти никогда не посещали парикмахерские или салоны красоты. Мастеров приглашали к себе домой, а порой и прямо в служебные кабинеты.

Первой мыслью Ирины было отказаться. Однако, немного поразмыслив, она изменила решение. Во многом благодаря рассказам Марии.

Огнева с удовольствием вспоминала годы, когда работала парикмахером в танковом полку. Собственной парикмахерской в части не было: солдат и младших офицеров стригли ротные парикмахеры из числа военнослужащих. Зато командир полка, его заместители и другие старшие офицеры предпочитали доверять свои прически именно Марии. К ней же обращались и их жены.

Работа была выгодной. Помимо щедрых чаевых семья Огневых получала и другие преимущества. Мужу Марии нередко делали послабления по службе, а домой время от времени попадали дефицитные товары из закрытого офицерского магазина — настоящая роскошь по тем временам.

Через два дня Мария вручила Ирине листок с адресом первого клиента.

Это должно было стать ее настоящим боевым крещением.

За год работы Сорокоумова никогда не интересовалась положением своих клиентов в обществе. Обычно люди сами рассказывали о себе, обсуждали новости, жаловались на жизнь или рассуждали о

политике. Другие, напротив, предпочитали молчать. Ирину это вполне устраивало. Она делала свою работу, получала деньги и заносила очередную запись в журнал.

Едва она вышла из парикмахерской, как перед ней словно из-под земли возник молодой мужчина. Короткая стрижка, широкие плечи, крепкие руки — мышцы отчетливо проступали даже под свободной рубашкой. Рассмотреть его как следует Ирина не успела.

— Вы к Барашкину? — тихо спросил он.

Она молча кивнула.

Дальнейшее казалось почти нереальным.

Через несколько минут они подошли к стоянке, где ожидал светло-бежевый «Мерседес». Стоило Ирине устроиться на заднем сиденье, как салон наполнила негромкая музыка, заработал кондиционер, и прохладный воздух приятно коснулся лица.

Но спокойнее ей не стало.

Наоборот, внутри все сжалось. Сердце тревожно заколотилось. Она не раз слышала истории о так называемых новых русских, но никогда не думала, что однажды окажется среди них. Крепко прижав к груди небольшой чемоданчик с инструментами, Ирина мысленно ругала Огневу, уверенная, что та втянула ее в сомнительную историю.

Автомобиль стремительно промчался по улицам небольшого городка, затем выехал за его пределы. Вскоре машина свернула на широкую асфальтированную аллею, ведущую к роскошному особняку.

Двухэтажный дом из белого кирпича возвышался посреди соснового бора. Высокий забор скрывал участок от посторонних глаз. У массивных металлических ворот дежурил молодой милиционер. Завидев автомобиль, он лихо отдал честь, и ворота бесшумно распахнулись.

Хозяин дома оказался Ирине незнаком.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ни она, ни ее бывший муж никогда не проявляли интереса к местным богачам. Руководителей района они знали в лицо, но людей, стремительно разбогатевших в последние годы, старались обходить стороной.

Бывший супруг Ирины, школьный военрук, почти все время проводил на работе: уроки, военно-патриотические мероприятия, бесконечные сборы. С местным начальством он отношений не поддерживал, а к нуворишам и вовсе относился с нескрываемым презрением. Таких людей он называл одним словом — «карманники», считая, что свое состояние они построили за счет народа.

Саму Ирину чужие богатства мало занимали. После работы она обычно смотрела вечерние новости или какой-нибудь фильм, а затем ложилась спать. Ее семейная жизнь в прошлом давно утратила прежнюю теплоту. Супруги засыпали, отвернувшись друг от друга. Будь возможность, они давно разъехались бы по разным комнатам, но тесная двухкомнатная квартира не оставляла выбора: родители занимали одну комнату, дети — другую.

Домой Сорокоумова вернулась лишь на следующее утро.

Едва переступив порог, она без сил опустилась на кровать. Усталость смешивалась с каким-то странным внутренним возбуждением. Она никак не могла понять, что чувствует сильнее — опустошение или радость от того, что сумела достойно справиться с первым столь необычным заказом.

Хозяином особняка оказался Иван Барашкин — директор авторемонтного завода.

Ему было около шестидесяти. Невысокий, совершенно лысый, с огромным животом, который заметно выдавался вперед и действительно напоминал глобус. При ходьбе Барашкин тяжело переваливался с ноги на ногу, словно палуба корабля покачивалась под ним. Каждый наклон давался ему с трудом: казалось, еще немного — и грузное тело окончательно потеряет равновесие.

Барашкин, увидев перед собой привлекательную женщину, слегка поклонился и галантно коснулся губами её руки. На его лице появилась доброжелательная улыбка, ясно дававшая понять: исполнительница заказа ему понравилась. От столь неожиданного внимания блондинка смутилась и слегка покраснела.

Одетый в синюю тенниску и спортивные брюки с белыми лампасами, хозяин жестом пригласил её пройти в соседнюю комнату. Помещение оказалось небольшим. Стены были сплошь покрыты зеркалами, а в центре стояло большое парикмахерское кресло.

Барашкин неторопливо опустился в него, улыбнулся и, указав рукой на голову, спокойно произнёс:

— Ирочка, я полностью в вашем распоряжении. Приступайте.

Работа заняла чуть меньше получаса. Оставшись довольным результатом, хозяин особняка предложил мастерице пообедать вместе. Она без колебаний согласилась.

Они поднялись на второй этаж. Просторная столовая с высокими потолками, массивными люстрами и дорогой мебелью производила впечатление достатка и благополучия. Стол ломился от изысканных блюд. Однако теперь подобная роскошь уже не поражала женщину так сильно, как много лет назад, когда судьба впервые привела её в богатый дом Ивана Лейкина.

Обед сопровождался шампанским. Хозяин был обходителен, говорил легко и непринуждённо, умело поддерживая беседу. Постепенно напряжение исчезло, усталость взяла своё. Женщина почувствовала приятную сонливость и незаметно для себя уснула.

Проснувшись она уже поздним вечером. За огромными окнами царила густая темнота. Приподняв голову, она растерянно огляделась. Рядом находился обнажённый мужчина. На мгновение её охватило смутение, но вскоре сознание прояснилось, тревога отступила, и она успокоилась.

То, что произошло между ними позже, она восприняла без внутреннего протеста. Напротив, новые отношения показались ей неожиданно естественными и даже приятными.

Спустя некоторое время женщина поднялась, приняла душ и вернулась в спальню. На кровати её ожидал аккуратно разложенный комплект одежды — словно кто-то заранее знал её вкус и размер. Она выбрала понравившиеся вещи, оделась и вышла из комнаты.

У двери её встретил Иван Барашкин — бывший председатель райисполкома, а ныне владелец и директор авторемонтного завода, один из самых влиятельных и состоятельных людей района.

Вскоре между ними состоялся долгий откровенный разговор. Речь шла не столько о чувствах, сколько о взаимных обязательствах. Каждый понимал, что их союз строится на вполне определённых условиях. Женщина согласилась принять предложенные правила игры, а Барашкин, со своей стороны, обещал обеспечить ей безбедную жизнь.

С этого дня она стала постоянной спутницей предпринимателя. По первому его звонку неизменно оказывалась рядом, стараясь сделать его жизнь ярче и разнообразнее. Они вместе посещали светские мероприятия, ездили отдыхать на морские курорты и неоднократно бывали за границей.

В районе Барашкина за глаза называли «жабой» — за тучность, властный характер и привычку демонстрировать своё богатство. Однако чужие пересуды мало волновали ни его самого, ни женщину, которая добровольно приняла свою новую роль.

Появление в жизни Сорокоумовой богатого и влиятельного мужчины, особенно после недавнего периода безработицы и неопределённости, стало для неё настоящей удачей. И разве могла она не радоваться этому обстоятельству?

Теперь у неё был собственный, пусть и подержанный, автомобиль «Жигули», а вместе с ним — личный водитель. Барашкин, привыкший все контролировать, заменил молодого шофера на

пожилого мужчину. Тот выполнял все поручения: доставлял любовнице шефа продукты из магазина, отвозил ее на работу и встречал после трудового дня.

Дни любви у Сорокоумовой были строго определены — пятница. Для местного магната этот день был своеобразной разгрузкой, временем, которое он посвящал женщине, ставшей частью его тайной жизни. Субботы и воскресенья он оставлял семье. Жена и дети знали о его многочисленных увлечениях, но предпочитали молчать. Никому не хотелось терять человека, который был не просто богатым, а еще и чрезвычайно пробивным.

В пятидесятитысячном Аксеново Барашкин считался первым человеком. Самым состоятельным, самым влиятельным. Для него словно не существовало привычных правил и общепринятых норм поведения. На своем небольшом жизненном пространстве он чувствовал себя полновластным хозяином. А в Омске его возможности были еще шире — там у него имелись связи на всех уровнях власти.

За годы близких отношений с этим человеком Сорокоумова не раз убеждалась: перед ней открываются двери, которые для других оставались наглухо закрытыми. Она умело пользовалась силой, авторитетом и связями невысокого, внешне неприметного мужчины. Пользовалась без стеснения и почти без ограничений.

К своему пятидесятилетнему юбилею она получила от Барашкина роскошный подарок — двухкомнатную квартиру, обставленную дорогой импортной мебелью. Старое жилье она оставила детям. Дочь, бросив торговый техникум, поступила в университет и выбрала специальность программиста. Сын тоже заметно изменился: стал лучше учиться, строил планы и мечтал поступить в военное училище.

Нового любовника привлекательная женщина заводить не собиралась. Она не скрывала даже от себя, что толстый, лысый, похожий на добродушного колобка Барашкин далеко не всегда устраивал ее, особенно в интимной жизни. Но она терпела. На мир она давно смотрела без юношеских иллюзий и прекрасно понимала

цену обстоятельствам. Ей было уже пятьдесят, и чтобы скрыть возрастные изменения, она регулярно ездила в областной центр — в дорогие салоны красоты.

Автобусы она категорически не признавала. Долгие поездки среди случайных людей утомляли ее, да и могли принести ненужные встречи и разговоры. В Аксеново ее знали многие, а потому лишнее внимание ей было ни к чему.

В «Жигулях» она чувствовала себя гораздо комфортнее: там было тепло, спокойно и даже интересно. Иваныч — так она называла своего пожилого водителя — стоило ей только сесть в машину, сразу начинал рассуждать о жизни. Он рассказывал о своем прошлом, делился историями из личной жизни, пересказывал слухи о местных и областных чиновниках. Иногда осторожно упоминал и самого Барашкина.

Вероятно, водитель опасался, что его откровения могут дойти до хозяина через красивую и влиятельную пассажирку. Поэтому говорил осторожно, словно проверяя каждое слово. Сорокоумова слушала, иногда лишь слегка улыбалась.

Она никогда не передавала чужие разговоры ни Лагутину, ни своему покровителю. Не любила пустых пересудов и не позволяла себе распускать язык. Даже своей «шахине» — так она называла заведующую парикмахерской — она ничего лишнего не рассказывала.

Более того, к этой женщине Сорокоумова относилась с искренней симпатией. Она видела, как быстро ее ученица поднялась, сколько смогла добиться за короткое время, сколько приобрела. То, на что обычному человеку требовались годы, а порой и целая жизнь, ей удалось получить благодаря удачному стечению обстоятельств и собственному умению ими воспользоваться.

Вспоминая далёкие события своей жизни, пожилая женщина, сидевшая в телеге, вдруг едва заметно улыбнулась. Перед её глазами всплыл один из эпизодов прошлого — история её

настойчивого соседа Птичкина, работавшего когда-то на мясокомбинате.

В те годы мужчина буквально потерял голову, когда вместо пожилой семейной пары, долгие годы жившей рядом с ним, в соседнюю квартиру въехала молодая, красивая блондинка. Она была одинока, держалась независимо и производила впечатление женщины, привыкшей полагаться только на себя.

Птичкин — мужчина с густыми вьющимися седыми волосами — сразу решил добиться её расположения. Он настойчиво искал повода для знакомства, пытался завязать разговор, ловил каждый момент, когда соседка появлялась на лестничной площадке.

Особенно радовали его выходные и праздники. В такие дни женщина спускалась или поднималась по лестнице нарядная, с ярким макияжем, окутанная ароматом дорогих духов. Птичкин неизменно стоял у двери своей квартиры и с восторгом, почти с мальчишеским восхищением, приветствовал её.

— Здравствуйте, — говорил он с улыбкой.

Но Сорокоумова отвечала сухо, без тени интереса. Коротко кивнув, она сразу поднимала голову и уходила дальше, словно старалась не замечать его присутствия.

Ни дворником, ни сторожем, ни простым рабочим мясокомбината она никогда бы не заинтересовалась. Её вкусы и запросы были совсем иными. Однако Птичкин не хотел сдаваться.

Сначала он пытался добиться её внимания мелкими подарками. Через соседние балконы он начал перебрасывать ей куски свежего мяса, иногда колбасу — то, что в те времена было настоящим дефицитом. Поначалу женщина не принимала эти подношения. Она без сожаления отправляла продукты в мусоропровод, не желая иметь с назойливым соседом никаких дел.

Но жизнь заставила её изменить отношение. Цены росли с невероятной скоростью, всё вокруг дорожало, и постепенно даже

такие «мелочи» стали иметь значение. Она перестала выбрасывать подарки и начала принимать их.

Правда, Сорокоумова прекрасно понимала разницу между такими знаками внимания и тем, чего она действительно ожидала от мужчины. Барашкин, человек совсем другого круга, не пытался завоевать её дешевыми угощениями. За расположение женщины он платил настоящими деньгами — американскими долларами или крупными российскими купюрами.

Через несколько месяцев Птичкин решил сделать последний, отчаянный шаг. Его жена в это время находилась в больнице, взрослые дети учились в Омске, а одиночество и надежда окончательно лишили его осторожности. Для храбрости он выпил и поздним вечером решился пробраться к соседке через балкон.

Но судьба распорядилась иначе.

Ни долгожданного знакомства, ни тем более близости не произошло. Не удержавшись, мужчина сорвался с балкона третьего этажа и рухнул вниз.

К счастью, он остался жив, но получил тяжёлые травмы. Услышав глухой удар, стоны и крики, Сорокоумова выбежала на балкон. Увидев лежащего внизу человека, она, несмотря на все прежние попытки отстраниться от него, вызвала скорую помощь.

После этого падения жизнь Птичкина изменилась навсегда. Он повредил позвоночник, стал инвалидом и потерял свою когда-то прибыльную работу. Теперь он ходил согнувшись, прихрамывал на левую ногу, а прежняя уверенность и настойчивость исчезли вместе со здоровьем.

Красивую соседку он больше не замечал.

И она больше не замечала его.

Люди, которые когда-то жили рядом, разделённые лишь тонкой стеной, теперь проходили мимо друг друга, не произнося ни слова. Они не здоровались, не смотрели в глаза и существовали так, будто

между ними была не лестничная площадка, а непреодолимая пропасть.

Не проявила снисхождения Сорокоумова и к своему бывшему мужу. После того как в ее жизни появился Барашкин, она словно вычеркнула Николая Лагутина из памяти. О нем больше не вспоминала, не говорила даже с детьми. Казалось, прошлое для нее перестало существовать.

В настоящем же все складывалось как нельзя лучше. У нее была приличная зарплата, баснословные деньги от любовника, а дети, почувствовав материальную уверенность семьи, наконец стали относиться к матери с уважением. Более того, они начали смотреть свысока на своих сверстников, большинство из которых жили гораздо скромнее и едва сводили концы с концами.

Вспомнить о бывшем супруге Сорокоумову заставил случай, который произошел в парикмахерской, где она работала.

Однажды ночью неизвестные взломали дверь помещения и вскрыли небольшой металлический сейф, в котором хранилась выручка. Когда Ирина утром подошла к парикмахерской, она сразу поняла: что-то случилось. Возле дома царило необычное оживление. На парковке стояли две милицейские машины, а перед входом в парикмахерскую собралась небольшая толпа любопытных людей.

Увидев свою работницу, заведующая Огнева тяжело вздохнула, с грустным выражением лица похлопала ее по плечу и, не объясняя подробностей, поспешила в городскую администрацию — докладывать о происшествии своему руководству.

Ирина же, словно ничего особенного не произошло, спокойно приступила к работе.

Первой ее клиенткой оказалась молодая девушка. Вместе с ней пришел парень — скорее всего, муж. Новость об ограблении быстро стала главной темой разговора среди женщин.

Щупленькая клиентка, едва устроившись в кресле, начала тараторить:

— Вот уж не думала, что и в Аксеново такое бывает. Оказывается, и у нас грабят, воруют — прямо как по всей стране. Кругом одни бандиты...

Сорокоумова не стала поддерживать этот разговор. Она давно поняла: незнакомые люди бывают разные, и не стоит заранее навешивать на всех ярлыки.

Но молодой человек решил поддержать жену. Он чуть приподнялся со стула, стоявшего возле кресла, и с легкой усмешкой произнес:

— Света, воруют везде. Кроме нашей молочки...

Ирина не удержалась. Она улыбнулась, сделала удивленное лицо и спросила:

— А ваша молочка, что, находится на необитаемом острове, где никто не ворует?

Ответ молодых людей ее заинтересовал.

Оказалось, что они несколько лет работали в Омске на молокоперерабатывающем заводе, продолжая дело своих родителей, недавно ушедших на пенсию. Традицию, которая в советские времена получила широкое распространение среди многих работников предприятий, они переняли довольно быстро. «Нести домой» то, что плохо лежало, для многих стало почти нормой.

Но однажды привычный порядок нарушился.

Полгода назад на заводе сменился начальник охраны. На место пожилого пенсионера пришел мужчина сорока с небольшим лет. Уже через несколько дней весь коллектив обсуждал его необычный стиль работы.

Он не закрывал глаза ни на что.

Охранники тщательно проверяли каждый автомобиль — грузовой или легковой, — который въезжал на территорию завода или покидал ее. Постепенно притихли и любители «экономии за счет предприятия». Работников не обыскивали поголовно, но опытные охранники умели определить, кто что выносит, иногда лишь по походке, фигуре или выражению лица.

А если кто-то попадался, начальник охраны не шел ни на какие уступки. В тот же день он составлял докладную записку наверх с подробным описанием нарушения и соответствующими выводами.

Сорокоумова внимательно слушала рассказ молодых людей и время от времени невольно улыбалась. Значит, не все еще потеряно. Оказывается, в стране все-таки оставались островки порядочности и справедливости.

Девушка осталась очень довольна работой симпатичной женщины средних лет. Рассчитавшись и оставив хорошие чаевые, она уже собралась уходить, но Ирина вдруг не выдержала и спросила:

— А фамилия у вашего начальника охраны какая?

Молодые люди почти одновременно ответили:

— Лагутин. Николай Лагутин.

Парень тут же добавил:

— Его фамилию я хорошо запомнил. В Советском Союзе был знаменитый боксер Борис Лагутин... — Он немного подумал и улыбнулся. — Может, они родственники?

Эта встреча неожиданно всколыхнула в душе Ирины то, что она так долго пыталась забыть.

В тот вечер бывшая жена Николая Лагутина долго не могла уснуть. Она снова и снова возвращалась мыслями к прошлому, перебирала в памяти годы их совместной жизни, вспоминала хорошее и плохое.

На этот раз она была честна сама с собой.

Во многих бедах она винила только себя.

Она сама создавала препятствия в их отношениях — иногда в больших делах, иногда в самых мелких и нелепых поступках. Зачем она это делала? Почему постоянно отталкивала человека, который любил ее?

Возможно, потому что никогда по-настоящему не любила его. А может быть, причина была глубже — в равнодушии к самой жизни, в том воспитании, которое она получила в семье.

Ее родители тоже не знали настоящей любви. Они не испытывали друг к другу сильных чувств, жили скорее по привычке. Как многие вокруг: работали, обеспечивали быт, потребляли, иногда изменяли друг другу и продолжали существовать рядом.

Но Николай Лагутин был другим.

Ему этого было мало.

Он хотел не просто совместной жизни, а настоящей любви. Хотел справедливости, честности, душевного единства. Он верил в высокие идеалы и искренне пытался построить отношения именно на них.

А женщина, которую он любил, не только не поддержала его стремления — она словно восстала против них.

Она не понимала его и не принимала.

И самое страшное — вместо любви в ней постепенно росли раздражение, неприязнь и желание причинить ему боль.

Теперь, спустя годы, Сорокоумова впервые попыталась понять: возможно, главным человеком, разрушившим их счастье, был не Николай Лагутин, а она сама.

Очередная пятница наступила незаметно, и Ирина Сорокоумова встретила её с особой радостью. Эти дни она ждала всегда — именно по пятницам она приезжала к своему покровителю, и привычная жизнь на несколько часов словно меняла свои краски.

В этот вечер Иван был необычайно оживлён. Он был весел, раскован, полон мужской энергии. Ирина заметила это сразу и решила воспользоваться подходящим моментом. Она нежно коснулась его головы, слегка поцеловала в блестящую лысину и, прижавшись ближе, ласково проворковала:

— Мой котик... У меня к тебе одна просьба. Ведь у тебя в Омске такие связи, такие возможности...

Она начала говорить долго и подробно, стараясь подобрать самые убедительные слова. Но чем больше она объясняла, тем мрачнее становилось лицо любовника. Её просьба, на которую она так рассчитывала, не вызвала у него ни сочувствия, ни желания помочь. Скорее наоборот — слова Ирины начали раздражать его.

Некоторое время он молча лежал, глядя в потолок. Потом тяжело вздохнул, приподнялся с постели и, слегка хлопнув ладонью по её спине, сказал:

— Послушай, Ириша... То, что твой бывший муж не платит алименты, — это не моя забота. Это первое. А второе... Я кое-что знаю об офицере Лагутине.

Эти слова словно ударили Ирину. Она замерла.

О Лагутине Барашкин почти ничего не мог знать. Они никогда не были близкими знакомыми. Их пути пересеклись лишь однажды — случайно, в стрелковом тире возле автовокзала.

В тот день директор одного из местных предприятий отмечал юбилей. Из чёрного «Мерседеса» вышли четверо мужчин и направились в специально оборудованный тир. Среди них был Иван Барашкин. Он был уверен в себе, привык побеждать и не сомневался, что никто не сможет превзойти его.

На кону стояло сто долларов.

Победа досталась Барашкину. Иначе, наверное, и быть не могло. Подчинённые хорошо знали характер своего начальника и предпочитали не спорить с ним.

Но несколько выпивший хозяин компании, местный богач, решил устроить настоящее представление. Подняв пневматическую винтовку вверх, он громко крикнул:

— Стреляю против победителя! Ставлю тысячу долларов! Кто первый?

Толпа, стоявшая рядом, словно по команде отступила. Люди не хотели связываться с подвыпившим человеком, привыкшим получать всё, что он желает.

Остался только один мужчина.

Он был высоким, крепким, с уверенной осанкой. В нём чувствовалась внутренняя сила и спокойствие.

Лысый невысокий Барашкин подошёл к нему, слегка ткнул в плечо и насмешливо произнёс:

— Ну что, не против со мной пострелять?

Незнакомец лишь спокойно кивнул. Он попросил оружие у работника тира, и соревнование началось.

Стреляли долго. В ход пошли самые разные мишени — большие и маленькие, движущиеся и неподвижные. Молодой сотрудник тира едва успевал выставлять новые фигуры.

Наконец судейская комиссия, состоявшая из заместителей хозяина предприятия, вынесла решение.

Победил незнакомец.

Причём победил безоговорочно.

Барашкин выругался сквозь зубы, нехотя достал из кошелька тысячу долларов и протянул деньги победителю. Тот взял купюры, но вместо того чтобы оставить их себе, повернулся к молодому работнику тира и вложил деньги ему в руки.

— Возьмите. Сделайте хороший ремонт. Такой тир должен выглядеть достойно.

Парень растерянно смотрел на незнакомца, не веря происходящему.

Мужчина улыбнулся, оглядел удивлённые лица присутствующих и громко сказал:

— Капитан Лагутин. Честь имею.

После этого он спокойно вышел из помещения.

Ирина молча слушала рассказ любовника.

Сначала она просто смотрела на него, а потом почувствовала, как по щекам покатились слёзы.

Ей вдруг стало стыдно.

Стыдно за ту боль, которую она когда-то причинила своему бывшему мужу. За холодность, с которой относилась к нему. За то, что, будучи его женой, ни разу не попыталась поддержать, помочь, вдохновить.

Она неожиданно поняла простую вещь: когда-то рядом с ней был человек, которого она не смогла оценить.

Для неё он давно стал чужим. А может быть, даже врагом.

Но теперь перед ней словно открылся другой Лагутин — настоящий.

И дальнейшие слова Барашкина окончательно лишили её прежней уверенности.

Он поднялся с кровати, надел халат и подошёл к столу. Налил себе полстакана коньяка. Медленно выпил, словно собираясь с мыслями.

Потом вернулся к кровати и внимательно посмотрел на Ирину.

— Послушай меня, Ирина... Я в армии не служил. Да, можно сказать, откосил. Учился в институте, строил свою жизнь...

Он на мгновение замолчал, затем продолжил уже другим, тяжёлым голосом:

— А вот мой брат — офицер. Настоящий. Он прошёл Афганистан. Сейчас он инвалид.

Барашкин сжал губы.

— Спроси у него, что значит быть советским офицером. Что значит быть женой такого человека.

Он замолчал.

Ещё несколько секунд смотрел на Ирину, словно хотел сказать что-то ещё, но не смог.

Блондинка лежала неподвижно, словно оглушённая. Её прежняя уверенность исчезла. Слезы текли по её лицу, и она уже не пыталась их скрыть.

В этот вечер она впервые увидела не только своего бывшего мужа — она впервые увидела и почувствовала собственную вину.

Прошел год. Для Ирины Сорокоумовой он оказался роковым.

На дворе стояла суровая сибирская зима. Мороз сковал землю, а вечерами над Аксеново нависала тяжелая, безмолвная тьма. Как обычно, Ирина приехала в особняк Барашкина поздним вечером. Она ожидала увидеть его привычную фигуру, услышать знакомый голос, но дом встретил ее непривычной тишиной.

Барашкина почему-то не было.

Она включила телевизор. На экране сменяли друг друга последние новости, но женщина почти не слышала их. Слова диктора сливались в один бесконечный шум. В огромной стране происходило одно и то же: борьба за власть, передел

собственности, загадочные убийства, исчезновения людей. Чужие трагедии давно перестали удивлять.

Вдруг открылась дверь.

Ирина мгновенно поднялась с кресла и сделала несколько шагов навстречу вошедшему. Но тут же остановилась.

Перед ней стоял Иваныч.

Уже по его лицу она поняла: случилось что-то страшное.

Барашкин категорически запрещал посторонним входить в его спальню. Если возникала необходимость, они связывались с ним только по телефону. Поэтому появление старика в доме вечером, да еще с таким выражением лица, не предвещало ничего хорошего.

Иваныч медленно снял шапку. Несколько секунд молчал, словно не находил сил произнести страшные слова.

— Ирина... нашего шефа убили... — тихо сказал он. — Он умер...

Сорокоумова побледнела, словно в одно мгновение потеряла все силы. Она медленно повернулась и, преодолевая резкую боль в груди, опустилась обратно в кресло.

Мир вокруг нее словно перестал существовать.

На следующий день о смерти главного магната Аксеново знала вся округа.

Барашкин погиб неожиданно. Вместе с чиновниками районной администрации он отправился на охоту. Сам он особого желания ехать не испытывал. Его ждала Ирина, и он предпочел бы провести вечер в ее компании. Но начальник милиции Асташкин сумел уговорить его.

Подполковник давно собирался съездить в родную деревню. Одному ехать не хотелось. Его тянуло туда не столько ради охоты, сколько ради простых деревенских удовольствий: настоящей русской бани, зимнего воздуха и встречи со старым школьным

другом Федором Макеевым, который обещал приготовить для гостей настоящий плов.

В полдень мощный УАЗ-469 выехал из Аксеново и направился в сторону деревни Гришковка. Расстояние было небольшим — всего несколько километров.

Однако прибыв на место, мужчины быстро изменили свои планы.

Охоту решили отменить. Началась сильная метель. Сибирская вьюга мгновенно превратила поля в белое безмолвное пространство, где даже опытному охотнику было трудно ориентироваться.

Гости остались в доме.

За столом их встретили по-доброму. Они плотно поели, выпили за встречу, за дружбу, за старые времена. Затем отправились в баню.

Она была заранее приготовлена.

Жаркая печь, запах березовых веников, густой пар — все это заставило мужчин забыть о городской суете. Они мылись и парились до изнеможения.

Начальник милиции и его заместитель первыми покинули парную. Барашкин же остался.

Он любил проверять себя на прочность. Его загородный особняк с дорогой импортной ванной, бассейном и всеми удобствами не мог сравниться с настоящей сибирской баней. Здесь было что-то особенное — простое, настоящее, связанное с землей и детством.

Прошел примерно час.

Но Барашкин так и не вышел.

Сначала мужчины не придали этому значения. Потом начали беспокоиться. Еще десять минут ожидания — и они направились к бане.

Дверь открыли.

И застыли на месте.

На полу лежал обнаженный мужчина. В руках он все еще держал березовый веник. Барашкин был неподвижен.

Они бросились к нему, проверили пульс.

Его не было.

Через час в деревню приехала машина скорой помощи в сопровождении милиции. Врачи лишь подтвердили то, что уже было ясно.

Смерть наступила мгновенно.

Сердце не выдержало.

Похороны Барашкина стали событием для всего района.

Они прошли с огромной помпой. По желанию семьи его похоронили у самого входа на кладбище — словно хотели, чтобы каждый проходящий человек видел могилу первого миллионера Аксеново.

Венков было столько, что они почти скрывали землю.

Местные власти обещали установить ему памятник. Для одних он был успешным предпринимателем, человеком, который поднялся с нуля. Для других — символом жестких времен, когда деньги и власть решали все.

Сорокоумова на похороны не пришла.

Она боялась встретиться с женой и детьми покойного. Боялась ненависти, обвинений, возможной мести. Боялась и простых людей, которые могли увидеть в ней виновницу чужого горя.

И, как оказалось, не зря.

Через два дня после похорон в дверь ее квартиры постучали.

На пороге стоял незнакомый молодой человек. Молча протянул ей небольшой конверт и сразу ушел.

Ирина закрыла дверь, вскрыла письмо.

На маленьком листке бумаги было написано всего несколько слов:

— Завтра же освободи квартиру... Подлая шлюха.

Она перечитала записку несколько раз.

Времени на размышления не оставалось.

Страх за собственную жизнь заставил ее действовать быстро. Она достала чемодан и начала собирать вещи. Положила только самое необходимое и самое ценное, что у нее было.

О сентиментах не могло быть и речи.

В Аксеново давно привыкли к жестокости. Здесь почти каждый день происходили убийства, ограбления, нападения. О воровстве уже никто даже не говорил — оно стало частью повседневной жизни.

Сорокоумова понимала: оставаться опасно.

И неожиданно вспомнила о своей давней подруге Корсуковой.

Они вместе учились, потом редко встречались, но иногда переписывались. Ирина быстро подошла к книжному шкафу, достала старую коробку с письмами и среди них нашла нужный конверт.

На нем был адрес.

Поздней ночью беглянка постучала в дверь квартиры, где жили ее родители.

Когда они увидели дочь и узнали, что произошло, несколько минут не могли сдержать слез и отчаяния. Они кричали, причитали, не понимая, как их жизнь в одно мгновение оказалась перевернута.

Но постепенно эмоции стихли.

Они сели за стол.

Начали говорить.

Нужно было решать, что делать дальше.

Потому что жизнь не терпит слабости.

Особенно жизнь, которая однажды уже показала свое настоящее лицо.

Эпилог

Прошло почти четверть века со дня развода.

Сорокоумова часто ловила себя на мысли, что годы пролетели незаметно, словно их и не было. Еще вчера она была молодой женщиной, уверенной в себе, способной управлять собственной судьбой. А сегодня сидела в старой телеге, закутавшись в ветхий дождевик, и смотрела на серое небо, где тяжелые осенние тучи медленно плыли над землей.

За эти долгие годы она и Николай Лагутин ни разу не написали друг другу, не позвонили, не попытались встретиться. Между ними словно выросла невидимая стена, которую уже невозможно было разрушить.

Но жизнь не позволяла ей окончательно забыть о бывшем муже. Время от времени до Ирины доходили слухи о нем. Одни говорили, что Николай уехал на Дальний Восток и стал преуспевающим

предпринимателем. Другие уверяли, что судьба забросила его в Германию, где он приобрел известность как писатель.

Она слушала эти рассказы с недоверием. Иногда верила, иногда усмехалась, считая их обычными деревенскими сплетнями. Но в глубине души знала одно: Николай был человеком сильным. Даже тогда, когда рядом с ним не было ее, он сумел найти свой путь.

Ирина не испытывала к нему ни злости, ни зависти. Скорее, в ее душе жила тяжелая, запоздалая мысль: возможно, именно она когда-то не разглядела в нем то, что было самым ценным.

А вот в себя она давно перестала верить.

И дело было не только в старости, не только в болезнях и немощи, которые постепенно отнимали у нее силы. Главное было в другом — вся ее жизнь словно прошла мимо нее. Она слишком часто ошибалась, слишком многого не замечала, слишком поздно понимала простые истины.

Когда-то ей обещали светлое будущее, рассказывали о справедливом обществе и счастливой жизни. Потом пришли другие времена, но легче не стало. Она так и не смогла найти свое место в новом мире.

Теперь она была никому не нужной старухой. Без денег, без дома, без надежды. Без человека, который мог бы подать руку в трудную минуту. Даже самые близкие люди отделились от нее. Дети, ради которых она когда-то жила, оставили ее один на один со старостью.

Ирина смотрела вперед и вдруг подумала: а ведь когда-то у нее было все. Была любовь. Был человек, который смотрел на нее с преданностью и верой. Было будущее, которое она сама отвергла.

Но прошлое не возвращается.

Внезапно ее пронзила резкая боль. Она словно огненной стрелой прошла через левую руку и сжала сердце. Ирина попыталась вдохнуть, что-то сказать, но силы мгновенно покинули ее.

Мир вокруг потемнел.

В тот день над небольшим сибирским селом бушевала непогода. Ледяной дождь хлестал по земле, ветер срывал последние листья с деревьев и гнал их по пустой дороге.

Старая телега, в которой сидели двое пожилых людей, медленно подъехала к зданию дома престарелых.

Носков неторопливо слез с повозки, поправил мокрую одежду и подошел к своей попутчице.

Она лежала неподвижно, укрытая старым дождевиком.

— Ирина... — тихо позвал он.

Ответа не было.

Мужчина встревожился, осторожно снял покрывало и прикоснулся к ее руке. Она была холодной.

Носков быстро направился к зданию. Через несколько минут вместе с ним к телеге вышел врач.

Осмотр был коротким и беспощадным.

— Сердечный приступ, — сказал он. — Смерть наступила около пятнадцати минут назад.

В старой хозяйственной сумке покойной нашли небольшой сверток.

Внутри лежала пожелтевшая фотография молодого мужчины в военной форме.

На обратной стороне крупным, немного неровным почерком было написано:

«Моей любимой Ирише! Навеки твой — Николай».

Рядом лежали несколько писем.

Письма молодого курсанта Лагутина к девушке, которую он когда-то любил больше всего на свете.

Письма, которые Ирина пронесла через всю жизнь.

Письма, которые она так и не смогла уничтожить.

И только теперь, когда уже было слишком поздно, они стали последним свидетельством того, что когда-то в ее судьбе была настоящая любовь.

Из жизни автора

Книги или «Мерседес»?!

(кое-что из моего творчества)

Вступление

Мой путь к читателям был очень трудным, тернистым и, к сожалению, очень дорогим.

Откровенно говоря, я даже не ожидал этого. К тому же я был далеко не наивный человек. Прекрасно знал, что самое главное для писателя или ученого, это его умственное развитие, как в народе говорят, наличие извилин на голове. Вроде я сам лично на это не жаловался, да и окружающий мир считал меня порядочным человеком, не «больным» на голову.

Определенные мысли были у меня и в отношении публикации книги. Я рассчитывал на два варианта. Первый – через издательства. Если редакторы или другие литературные божки посчитают мой труд интересным, то проблем не будет. И второй путь, рассматривал его, как запасной, это печатание книги в типографии. На многотысячные тиражи я не рассчитывал, но все в жизни бывает... В крайнем случае, придется и мне немного раскошелиться.

При таком раскладе мыслей я пришел к однозначному выводу. Главное – написать книгу, роман или научный труд, притом очень серьезную и умную, с пользой для исторической науки, так и для читателей.

Несмотря на имеющиеся трудности, уйму объективных и субъективных причин, мне удалось кое-что в этом направлении сделать. За последние четверть века я издал 10 романов, 11 научно-популярных книг, написал десятки журнальных и газетных статей.

Безусловно, любой труд человека, в том числе писателя и ученого, оценивается обществом, читателями, специалистами. Это специфическая аксиома. Однако есть маленькое «но», которое разрушает этот тезис. Как правило, историки, писатели по своей сущности «режимные», люди и людишки, обслуживающие ту или иную власть, очередного вождя. Исчез вождь – исчезли и его всевозможные клерки, довольно часто исчезают и читатели. Это для размышления...

Места издания моих книг. Свои труды издавал в г. Омске и Днепропетровске. В этих городах я когда-то жил и работал, занимался творчеством. Были у меня друзья, знакомые. Надеялся на их поддержку и помощь. Несколько книг были изданы и в Германии.

Хочу подчеркнуть и еще один важный момент. Писать книги – не есть моя основная профессия, я писал и пишу книги не ради денег или славы, пишу в силу своих жизненных убеждений и принципов. Особенно научные, так как считаю, что в моих мыслях, размышлениях человечество нуждается. Да и мои романы, как мне представляется, не являются однодневками, «десертом» для пустого времяпровождения. Они заставляют читателя думать. А это наиважнейшее условие для становления истинно цивилизованного общества.

Несколько слов об особенностях моего творчества...

Условия работы. На немецкой земле почти четверть века я работал в службе безопасности (сторожем). Как правило, в ночные смены, каждая длилась 12 часов. Иногда работал на износ. Был даже рекордсменом по количеству отработанных часов. 340 часов месяц, одним словом, обработал 30 дней и один выходной. Или еще пример. Однажды «отпахал» 19 ночных смен (по 12 часов за смену) без перерыва.

Такой график работы, к некоторой степени, нечеловеческий, во многом зависел от меня. К сожалению, он во многом определялся не моим желанием, а объективными причинами. Мизерная почасовая зарплата, растущие расходы на жилье, продукты питания, семейные и личные проблемы, так называемые «хвосты» требовали денег. Других источников для наполнения кошелька, кроме этой работы у немолодого переселенца не было. Требовали денег и книги...

Одним словом, мой режим работы и жизни сильно отличался от миллионов простых смертных, не исключением этому и гении. У меня не было времени ловить сачком бабочек в горах, так же не было времени для игры в карты или рулетку. Не говоря уже о посещении ресторанов или о встречах с представительницами слабого пола. Все и вся уходило на работу и на написание книг.

О периодизации издания моих книг.

Деление моего творчества на промежутки времени во многом условно. Первый период (начальный) – 2000-2010 гг. характеризовался неопытностью автора, верой в порядочность и честность людей, которые занимались подготовкой и изданием его книг. В итоге бесконтрольность автора-заказчика приводила к ужасающим последствиям. Объем книг во многом урезали, кое-где искажали текст или даже дублировали страницы. Были проблемы и в техническом процессе. Использовались некачественные краски, пропускались буквы или слова, даже целые предложения.

Одним словом, все то, что было написано в договоре, не исполнялось. Каких-либо контрольных вариантов книги, которые, как правило, должны были представлены автору и им же проверяться, не было. Не отрицаю, в этом во многом моя вина. К сожалению, я не мог из-за бюрократических проволочек и безответственности издателей днем и ночью держать руку на пульсе.

Достаточно привести только один пример. В г. Омске мой роман «Сатана» издавали в течение полугода, даже больше. Для улаживания всевозможных проблем и заморочек я сделал около двухсот звонков из домашнего телефона. Счета немецких фирм для оплаты моих разговоров приходили многостраничные, притом нередко и с фальшивыми ночными звонками. Ночью я, как правило, работал.

К сожалению, у меня не было «крыши» в лице вышестоящих начальников или организаций. Не было и серьезной команды редакторов. К их помощи я прибегал, например, во время издания своего первого романа «Записки любовного мигранта». Обещали текст тщательно проверить и отредактировать.

Моя надежда на порядочность работников издательства окончательно рухнула, когда получил книги. Первая книга художественной прозы, которую я держал в своих руках, не давала мне оптимизма, ни творческого, ни жизненного. Причины: объем книги был на сто страниц меньше. И это было не так страшно. Непонятно почему, одна часть книги была из серой бумаги, вторая из белой. Не говоря уже о редактировании текста. Одним словом, первый блин для меня оказался комом...

Прогорел я и на очередной книге...

Поистине трагические перипетии приводили автора к очень простому выводу. Он был очень счастлив, ежели бы издательства хотя бы механически переносили его тексты на бумагу без искажений и ошибок. Увы, они даже этого не делали. Человеческой подлости пределов нет, и скорее всего, не будет.

Второй период издания книг (2010 – по настоящее время) с непосредственным участием автора протекал более или менее цивилизованно. Правда, и здесь не обходилось без стресса и дополнительных денежных вливаний из кармана писателя.

Почти полувековой опыт с различными типографиями и им подобными организациями меня убеждает. Главное для них деньги. Имя заказчика, его судьба или здоровье, не говоря уже о престиже или ответственности писателя перед читателями их вообще не интересует.

Особенности издания моих книг в Германии.

На немецкой земле мною был издан фундаментальный труд «Немцы Омского Прииртышья». Книга выдержала два издания: первое (г. Днепропетровск, 2008 г.), второе – г. Берлин, ANTHEA VERLAG, 2013 г.).

Автор провел большую подготовительную работу, которая включала в себя: работа в архивах, материалы всевозможных научно-практических конференций, журнальные и газетные статьи, встречи с российскими немцами и т.п. и т.д.

Желание немецкого издательства в Берлине, столице ФРГ издать книгу о немцах важнейшего региона России, да еще и на русском языке, автора очень обрадовало.

К сожалению, и здесь не обошлось без нервотрепки. У немца-издателя были две работницы, они оказывали ему помощь в подготовке моей книги. Трудно себе представить какой научный труд получился, ежели бы не мое вмешательство. Скорее всего, с самого детства я страдал излишней щепетильностью или принципиальностью к решению тех или иных задач. Исходя из своих жизненных принципов и, конечно, горького опыта, я и на этот раз решил подстраховаться. Сам издатель русский язык в совершенстве не знал, да и зачем? У него были русскоязычные помощницы.

В итоге, как говорят, мое сердце не выдержало, позвонил издателю и навел справки о состоянии моего научного труда. Затем позвонил редакторам. Через неделю получил свой труд по электронной почте. Результат их работы меня шокировал. Заверения шефа, что мне не стоит беспокоиться и все идет по

плану и под контролем, были сейчас для меня пустым звуком. Скорее всего, женщины пошли по наименьшему пути. Текст в должной мере не был отформатирован. Мало того, десятки букв вообще отсутствовали. Неизвестно по каким причинам отсутствовали и многие знаки препинания. Я был в трансе, притом очень глубоком. Мой многолетний труд в прямом смысле был похерен.

Я тут же набрал номер телефона «ответственных» и начал их отчитывать за плохую работу. Мое возмущение на сотрудницу не подействовало. Она спокойно реагировала на мои замечания и потом проворковала: «Владимир, меня две недели не будет, уезжаю отдыхать в солнечную Испанию. Позвоните мне в понедельник». И тут же положила трубку. Я невольно сделал пару глубоких вдохов и выдохов, чтобы не ударила кондрашка, и впал в раздумье.

Писать жалобу в электронном виде или звонить шефу не стал. Не намеревался оспаривать и условия договора. Прекрасно понимал, что издание книг, как правило, независимо от погоды или времени года, а также независимо от стран и континентов, большего навару не приносит. Особенно в современный век, век компьютеров и смартфонов.

В итоге мне ничего не оставалось делать, как взять быка за рога. За исправлением и корректировкой текста, многочисленных разрывов, отступлений и тому подобных «оплошностей» я просидел довольно долго. Три-четыре часа в рабочие дни и полностью два выходных. Объем текста был немалый – более 400 страниц. Передо мною лежали текст-подлинник, который я вынужден был отпечатать, и тетрадь, где заносились «дефекты». На какой странице и в какой строке необходимо исправить. Или подвинуть букву.

В понедельник позвонил редакторше, хотя в этот день я, как правило, работал, пришлось просить шефа об изменении моего рабочего плана. Корректур моего научного труда длилась четыре часа, без перерыва.

Через пару месяцев книга вышла в свет. Я, затаив дыхание, развернул небольшой пакет. Раскрыл книгу и неспеша ее пролистал. С облегчением вздохнул. Вроде неплохо. Через неделю прочитал начисто, были небольшие огрехи, но, все-таки сносно.

В принципе книга получилась неплохая. Мало того. Она была презентована на Международной книжной ярмарке в Лейпциге (2013 г).

Несколько слов о рекламе книги «Немцы Омского Прииртышья». Сначала о реакции немецких чиновников с российскими корнями. Появление объемного труда о своих земляках они встретили без особого трепета и восхищения. Не проявили они особого рвения в рекламе книги и на страницах журнала «Volk auf dem Weg» (Народ в пути), который выходит под эгидой землячества немцев

из России. Лишь с третьей моей попытки соизволили написать небольшую заметку о вышедшей книги.

Не прибавило мне радости и поведение чиновников немецкой общины на омской земле. Мои предложения о рекламе книги или об ее переиздании отклика не получили. Итог моего подвижничества был неутешительный. Никто из чиновников не соизволил сказать мне «спасибо», ни по-русски, ни по-немецки. Хотя все прекрасно знали, что книги я издавал на свои деньги.

Несмотря на это, от издания книги я получил огромное удовольствие. Радовали меня и многочисленные положительные отзывы моих земляков, в том числе и омских немцев, о которых я написал.

И еще об одной книге, которую я издал в Германии. Речь идет о романе «Eidbrecher» (Клятвоотступник), он переведен на немецкий язык. К сожалению, я далек от познания немецкого языка в совершенстве, пришлось искать переводчика.

Моя попытка найти специалиста на омской земле успехом не увенчалась. Кандидата я нашел, но он оказался слишком дорогим. Притом с ученой степенью. Пять тысяч евро, скорее всего, я бы оплатил. Однако дерзкое поведение моей землячки меня шокировало. Ее требование – деньги вперед. Я выдвинул встречную просьбу. Сначала переведите пять страниц романа, хотел узнать, чем «дышит» этот феномен. Мой горький опыт по поиску «специалистов» в период подготовки и издания книг меня многому научил. Но увы, женщина наотрез отказалась, и за эти пять страниц ей нужны были деньги. В итоге сделка не состоялась.

После продолжительных поисков мне все-таки мне удалось найти переводчика. Ими оказались две женщины. Одна из бывшей ГДР, она прекрасно знала немецкий и русский язык, притом литературный, другая - российская немка. Устраивала заказчика и цена за работу, их услуги были в разы дешевле, чем у жительницы г. Омска.

Через полгода в руках автора романа была дискета с переводом. Предстояло найти издательство. Опять пришлось не только изрядно попотеть, но и потратиться. Необходимые бумаги отправил в 33 немецкие издательства. К моему удивлению, они все дали на мой запрос положительный ответ. Неизменным было, как всегда – все расходы на издание оплачивает заказчик. Ну а там, как повезет. Успешные продажи – копейки получит и заказчик.

В конце концов я сделал выбор на издательстве «Persimplex Verlag». Оно находилось на востоке страны, бывшей ГДР. Шефом также был «социалистический» немец. Да и содержание романа, как говорят, плоть от

плоти, было общим. О пребывании Советской Армии на территории социалистической Германии.

И не только общность прошлого привлекла меня к этому издательству. Шеф пару раз звонил мне лично и убедительно просил перейти на его сторону. Мало того. Он сказал, что книга очень актуальная, и он будет выдвигать ее на премию на книжной ярмарке в Лейпциге. Я согласился, без колебаний и без сомнений. Издать первую книгу на немецком языке и получить премию на престижной мировой книжной выставке, удастся далеко не каждому.

С большими надеждами и планами я подписал договор. И вложил значительную сумму денег, залог. И здесь я больших проблем не видел. Как только издательство продаст первые 500 экземпляров книги, эти деньги сразу поступят на мой счет в банке. Радовало и то, что согласно договору, первый выпуск моих книг составит 3000 экземпляров, второй – пять тысяч... Чем больше будет продано – тем больше получит и автор. Все было логично и разумно...

К сожалению, дальше пошло, как всегда... К началу работы книжной ярмарки книгу не издали. Контрольный экземпляр для автора не представили. Его рекомендованную обложку отвергли. Мало того. Появились претензии и к тексту и переводу. Моя попытка сказать, что моя книга всего-навсего роман, а не историческое исследование, во внимание не принималась.

В конце концов книга вышла в свет. Претензий к издателю у заказчика было много, но пришлось смириться. Как в народе говорят, лучше синица в руке, чем журавль в небе. Прошло полгода. Какой-либо информации о проданных книг я не получал, не говоря уже о каких-либо гонорарах. Хотя довольно часто следил за продвижением своих книг по интернету. Роман продавался в четырнадцати книжных магазинах. Стал звонить, интересовался продажей книги. Отвечали хором – информацию по этому поводу давать запрещено.

Были у меня и радости, правда очень маленькие. В интернете появились десятки тысяч лайков, честно говоря, не знаю, касались ли они моей книги или издательства. Появилась информация о выходе книги и в Национальной библиотеке Германии.

Вскоре для меня вновь пришла небольшая радость. «Eidbrecher» был презентован на Международной ярмарке в Лейпциге, также выставлен для продажи на сайтах «Amazon» (Амазон), всемирно-известной интернет-платформе электронной коммерции. Я слегка передохнул, надеялся на дальнейший успех. Позвонил директору издательства. Никто не ответил. Вышел на сайт издательства. Едва его открыл и тут же невольно вскрикнул. Издательство обанкротилось! Со всеми претензиями рекомендовали обращаться к адвокату, давался его номер телефона.

Мое «бодание» с издательством длилось без малого почти десять лет. Кроме нервов, уйму всевозможных бумаг, телефонных звонков и электронной переписки я ничего не получил. Итоговое решение суда гласило, что господин такой-то в связи с банкротством не имеет возможности оплатить долги. В случае несогласия с решением суда рекомендовали обращаться к адвокату. Через некоторое время я окончательно успокоился. Игра дальше не стоила свеч. Адвокат, как и суд окончательно разденут. В этом я убеждался неоднократно.

Как я дарил книги. Мое литературное подвижничество.

Регионы дарения я определял сам. Большинство организаций с благодарностью принимали мои книги. Кое-кто выставлял книги в интернете и делал небольшие аннотации к ним. Автору было приятно это видеть и осознавать, что книги, будь то художественные или научные доходили до читателей.

Некоторые слова благодарности остались в моей памяти и в сердце до сих пор. Директор одной из библиотек г. Тюмени во время разговора по телефону сказала автору: «Владимир Владимирович, огромное вам спасибо за книги, от земли российской, от земли тюменской».

Чувство признательности за услугу высказал мне и вице-мэр г. Гамбурга (ФРГ). В почтовой открытке он тепло поблагодарил за книги и пожелал дальнейших успехов в моем творчестве.

Или еще пару примеров. Во время пребывания в г. Минске (Беларусь) я подарил несколько книг научной библиотеке и жителям города. Придало мне очередной импульс для творчества и посещение кубинского посольства в столице Беларуси. Посол тепло гостя поприветствовал, затем состоялся разговор с его секретаршей. Симпатичная молодая особа, в совершенстве знавшая русский язык, очень долго благодарила писателя его за книги.

К сожалению, мои подарки принимали не все. Однажды я прочитал в интернете, что в одной из деревень Омской области сгорела библиотека. Недолго думая, подготовил посылку, в ней было около 20 книг, и отправил их в организацию, которая осуществляла руководство библиотечными системами области. Перед отправкой позвонил чиновнице. Женщина, имя и фамилия которой были чисто немецкими, обеими руками поддержала благородное дело земляка. Сказала адрес получателя. Я невольно воспрянул духом...

Время показало совсем иное. Мои надежды улетучились, как я только начал искать «хвосты» моей посылки. Подспудно чувствовал, что чиновникам независимо от места работы и национальности все и вся по одному месту,

лишь бы была приличная зарплата, теплый кабинет и как можно меньше работы.

В конце концов «хвост» мне найти удалось. Посылка уже неделю лежала на таможенном посту в Омске. Ждала получателя, которому предстояло заполнить небольшую бумажку и расписаться. Я тут же позвонил начальнице. Какой-либо радости, не говоря уже о положительной реакции на дар писателя из Германии не последовало. Мое предложение отправить за посылкой секретаршу или кого-нибудь другого, российская немка отвергла. Затем, сославшись на занятость, положила трубку.

Я решил не сдаваться. Через полчаса набрал приемную министра культуры Омской области. Секретарша сказала, что он проводит совещание, затем уезжает в командировку... Посылку из Омска я получил через месяц. Без таможенного досмотра и бумаг не обошлось.

Несколько слов об отправке книг.

И здесь не обошлось без приключений. Однажды пришел на главпочтамт г. Штутгарта, через пару минут подошел к стойке и увидел темнокожего немца. На чистом немецком языке сказал ему, куда необходимо отправить посылку. Для убедительности положил небольшой листок бумаги с адресом получателя. Делал это нередко, так многие иностранцы имеют серьезные проблемы с немецким языком. Если кто-то и говорит, то, как правило, на литературном. Да и сам жизнь вносит коррективы. Однажды ехал в метро и внезапно в вагоне задымил. Темнокожий водитель выскочил из кабины и неистово стал махать рукой в сторону выхода. Вполне возможно от страха потерял дар речи или просто-напросто имел смутные понятия в немецком языке.

Нечто подобное случилось и у работника почты. Молодой человек улыбнулся и мигом бросил посылку на весы и тут же подошел к кассовому аппарату. Затем раскрыл рот до самых ушей и очень громко произнес: «У-га-ан-да-а». Я какое время не мог врубиться, какая Уганда, если я отправляю посылку в Украину. Я отчаянно замахал руками и в один миг сгреб посылку. Тяжело вздохнул и тут же направился к очередном столику-прилавку. За ним стоял пожилой рыжеволосый мужчина. В том, что он был коренной немец я нисколько не сомневался...

Были случаи и похлеще. Одну из многочисленных посылок немецкая почта вместо России отправила на Украину. В этом я убедился, когда мне пришло извещение от таможенной службы, для получения посылки из-за границы.

Некоторое время я был в недоумении, каких-либо подарков не ожидал. Едва зашел в небольшое помещение и тут же слегка покачал головой. Моя посылка лежала на небольшом столике и ждала своего хозяина. Ее внешний вид меня

поразил. Небольшой картонный ящик со всех сторон был обклеен бумажками, на которых красовалась целая обойма печатей или штемпелей, как немецких, так и украинских. Спасибо украинцам, что вернули мои книги назад. Казалось бы, чего-то тут сложного. Посмотри на адрес: страна получатель мною была написана на двух языках: немецком и русском.

К сожалению, моя нервотрепка на этом не закончилась. Пожилой немец не только внимательно проверил содержимое посылки, но и стал мне приписывать коммерческую торговлю книгами. Я категорический отверг его домыслы. В конце концов все закончилось миром. Каждый получил свое. Немец получил деньги за досмотр, я – свои книги...

Внесла коррективы в мою благотворительность, притом существенные, и корона – вирус. Моя посылка с книгами успешно прошла всевозможные досмотры на немецкой земле, была переправлена в Россию. Посылки, как правило, я отправлял со специальным уведомлением, что позволяло контролировать ее прохождение по компьютеру. Это стоило денег, но другого выхода не было. Звонить каждому получателю было не только дорого, но и не было времени. Создавала проблему и разница в часовых поясах. На этот раз электронное устройство показывало, что моя посылка лежит в г. Москве, на пункте пересылки. Пришлось опять звонить. Начал от министерства, закончил простым клерком. На мой вопрос почему мое отправление уже три дня лежит без движений, женщина ответила, что во время короны для книг нужен двухнедельный карантин. Я рассмеялся и положил трубку.

И тут же невольно вспомнил анекдот про карантин, который довольно часто «проносился» в бывшем Союзе. Огромная страна с неисчерпаемыми полезными ископаемыми всегда и во все времена испытывала дефицит, будь то детские горшки или продукты питания, не говоря уже о легковых автомобилях. Как правило, съестные дефициты: мандарины, колбасы или шампанское появлялись в розничной торговле для простых смертных в период больших праздников. До торжеств дефицит припрятывался, лежал на складах, проходил «карантин». За это время отоваривались всевозможные чиновники, торговые работники и тому подобное челядь. Остатки съестной и другой роскоши выбрасывались для строителей коммунизма позже, что создавало бесконечные очереди, потасовки, доходило и до мордобоя.

О рекламе моих книг.

Любой писатель или ученый живет в том случае, если его труд доходит до читателей. А это невозможно сделать без рекламы. И я был в этом плане не исключение. Знают меня или мои книги на Камчатке или на Кушке, честно говоря, меня не так волновало. Мне куда было приятнее и важнее услышать свой «голос» в Сибири, в Омской области, где я родился, учился и работал.

К сожалению, родной край встретил результаты моего творчества без особой радости.

Главный редактор одной из главных газет области, с которым мы были в недалеком прошлом знакомы и даже сотрудничали, сначала меня обнадежил. Информация о книгах, в том числе и научных, в которых был материал о земляках, ему понравилась. После очередного звонка из Германии, шеф попросил прислать ему мои книги. Я же предложил другой вариант. Чтение моих книг в электронном виде. У меня был собственный сайт, там все мои книги выставлены.

Начальник отверг этот вариант. Он хотел своими руками «пощупать» мои труды. Я не стал ему перечить, через пару недель книги были уже на его редакторском столе. Через месяц я с вновь позвонил. Босс тут же сослался на страшную занятость, что лишало его возможности пролистать мои книги, не говоря уже о большем. Прошел еще месяц. Вновь звоню. Из трубки раздался женский голос, известивший меня о недавней смерти главного редактора.

Или еще один пример. Районная газета была на всем протяжении моей жизни одной из самой любимой. Я или мы с ней все пережили, хорошее и плохое, что происходило в те или иные времена.

За пару месяцев до моего 70-летия вышла в свет моя очередная книга «Вехи моей жизни». Желание оповестить земляков о выходе книги, к сожалению, не осуществилось. Хотя старт для рекламы был неплохой. Сначала позвонил главному редактору, не месте его не оказалось. Позвонил финансовому директору. Женщина сказала, что помещать или не помещать заметку о книге, будет решать лично редактор. Мимоходом предложила коммерческий вариант.

В принципе он меня устраивал. Капитализм тем и хорош, кто имеет деньги, тот и заказывает музыку. Через день звоню редактору. Газетный магнат районного масштаба, к моему удивлению, не согласился напечатать небольшую заметку о выходе моих мемуаров. Несмотря на то, что в книге была изложена практически вся история района и моей деревни, названы участники Великой Отечественной войны, как погибшие и также вернувшиеся с войны. Были названы также и передовики производства. И это еще не все. В книге были названы практически все фамилии жителей моей малой родины. Мало того. Моя книга лежала на его столе, перед ним. Отбросил прочь шеф и мой коммерческий вариант. Я предложил окончательную сумму – 1000 долларов. Не согласился.

После очередной неудачи на родной земле меня посещали далеко нерадостные мысли. Бывший омич пришел к однозначному выводу. И в этом он убеждался неоднократно в своей жизни. Убедился и в этот отрезок времени, когда

посвятил себя творчеству. Человеческая зависть, чванство, особенно для людишек недалекого ума, господствовали во все времена, независимо от социально-экономического строя.

К моему удивлению, в рекламе моего творчества появилась и определенная новизна. Однажды на мой электронный адрес пришел договор от одной коммерческой (русскоязычной) фирмы из Америки. Фирмачи ради моих романов намеревались сдвинуть целые горы: печатать книги, рекламировать их и даже поставить фильмы. И это еще не все. Автор получал солидные вознаграждения от успешной работы.

От меня же требовалось одно. Согласно договору, автор обязан не делать рекламу своих книг в течение пяти лет. Предлагали мне тут же определенный задаток около 3 тысяч американских долларов.

Несмотря на то, что мои романы признавались фирмой чуть ли не шедеврами, я отказался...

Если говорить о позитивах в этом плане, то они есть. Все мои книги выставлены на моем сайте для бесплатного чтения. Радует меня и то, что десятки литературных сайтов (платформ) выставляют мои произведения или пишут о моем творчестве. Я благодарен им за это. Приветствую всех тех, включая организации и физические лица, кто доносит или намерен доносить мои мысли и образы моих персонажей для читателей.

И последнее. О денежных расходах.

Весь процесс подготовки книг к изданию, и самое издание, а также всевозможные переводы, почтовые отправления, таможенные пошлины, телефонные звонки и т.п. стоили денег, притом солидных.

Издание книг в малых тиражах – очень дорогое занятие. Недаром говорят – малые тиражи – золотые книги.

Продавал ли я лично сам книги? На улицах или возле книжных магазинов не стоял. Не было времени и условий. Немецкие издательства продавали, но я не получил ни цента.

Случай поистине уникальный, пора занести его в книгу рекордов Гиннеса. Вполне возможно, попаду.

Мало того. Творческий труд стоил мне больших денег. Мог бы купить приличный «Мерседес».

Библиография

Яшин В. В. Территориальное общественное самоуправление: опыт, поиски, проблемы. – Омская областная организация общества «Знание» России. – Омск. – 1998. – 25 с.

Яшин В. В. Омское Прииртышье в истории одного дня. – Омская областная организация общества «Знание» России. – Омск. – 1998. – 105 с.

Яшин В. В. История российских немцев: хроника событий (XVI-XX вв.). – Омская областная организация общества «Знание» России. – Омск. – 1999. – 50 с. (Я 96).

Яшин В. В., Машкарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. – Омск. – 1999. – 231 с. (ISBN 5-8239-0007-4).

Машкарин М. И., Яшин В. В. Омское Прииртышье в истории одного дня: хроника событий (XVI-XX вв.). – Омск. – 1999. – 351 с. (ISBN 5-8239-0022-8).

Владимир Великий. Записки любовного эмигранта (Чужое небо). – Дніпропетровськ: «Поліграфіст». – 2002. – 327 с. (ISBN 966-684-075-8).

Владимир Великий. Сатана: Роман. – Омск: ООО Издательско-полиграфический центр «Сфера», 2006. – 468 с. (ISBN 5-9658-0016-9).

Владимир Великий. Клятвоотступник: Роман. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 337 с. (ISBN 978-966-525-917-6).

Владимир Великий. Исповедь изгоя: Роман. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 248 с. (ISBN 978-966-525-955-8).

Владимир Великий. Немцы Омского Прииртышья. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 277 с. (ISBN 978-525-915-2).

Владимир Великий. Ночной монарх. – Днепрпетровск: ИМА-пресс. – 2010. – 352 с. (ISBN 978-966-331-335-1).

Владимир Великий. Человек без маски. (Дневник советского шизофреника). – Днепрпетровск: ИМА-пресс. – 2011.- 394 с. (ISBN 978-966-331-443-3).

Владимир Великий. Немцы Омского Прииртышья: Издательство ANTHEA VERLAG (Берлин), 2013. – 488 с. (ISBN 978-3-943583-14-4).

Владимир Великий. Между адом и раем. – Univers-Verlag (Берлин). – 2014. – 196 с. (ISBN 978-3-944934-13-6).

Wladimir Welikij. Eidbrecher: Persimplex Verlag (Deutschland). – 2015. – 353 s. (ISBN 978-3-86440-192-2).

Владимир Великий. Мы – Человечество: мифы и реальности. Научно-популярное издание. – Днепр: Лира. – 2016. – 212 с. (ISBN 978-966-383-734-5).

Владимир Великий. Бабье лето: роман. – Днепр: Лира. – 2018. – 248 с. (ISBN 978-966-981-058-8).

Владимир Великий. Вехи моей жизни (Воспоминания и размышления). – Днепр: Лира. – 2020. – 372 с. (ISBN 978-966-981-326-8).

Владимир Великий. Безумный мир (размышления о судьбе цивилизации). – Штутгарт. – Авторское издание. – 2025. – 195 с. (ISBN: 978-3-00-084965-7).

Владимир Великий. Право на слово. – Штутгарт. – Авторское издание. – 2026. – 150 с. (ISBN: 978-3-00-084965-7).

Владимир Великий. Любовь и ненависть: роман. – Авторское издание. – 2026. – 315 с. (ISBN: 978-3-00-084965-7).

Письмо сына матери...

Мама,

пишу тебе спустя полвека — уже седым человеком, прожившим долгую жизнь. В ней было многое: труд, поиски, победы и утраты. Но не было главного — возможности сказать тебе всё то, что тогда, в юности, так и осталось несказанным.

Я вырос в семье тихой, простой и честной. Там, где труд был не обязанностью, а самой сутью жизни, а совесть — не словом, а внутренним законом. Наш дом пах хлебом и свежескошенной травой — запахом подлинной жизни, которую нельзя ни купить, ни вернуть.

Наша семья была словно маленькое отражение огромной страны. У нас были свои даты, свои радости и свои беды. Вы с отцом работали за трудоводни — за те самые «палочки», за которыми стоял тяжёлый, изнурительный ручной труд. Но в этом труде была правда — суровая и честная.

Но есть день, который до сих пор отзывается во мне болью.

25 мая 1969 года тебя не стало. Тебе было всего тридцать девять.

Нас осталось пятеро. Мне — восемнадцать, младшему — всего четыре года. Когда пришла телеграмма, я не смог остаться среди людей — убежал в сосновый бор, упал на землю и плакал так, как не плакал никогда ни до, ни после. На следующий день я уже был в родной деревне.

Твоя смерть словно погасила для меня солнце. На какое-то время исчезло не только стремление к чему-то, но и само желание жить. Почти полгода выпало из моей жизни. Мысли были тяжёлыми, без просвета. И откуда было взяться свету у юноши, который так мало успел побыть рядом с матерью?

Теперь я понимаю, почему так случилось. Школа, учёба вдали от дома, потом училище... У меня не было времени быть рядом с тобой. Но и у тебя не было времени быть просто матерью. С раннего утра до позднего вечера — ферма, потом дом, хозяйство. На отдых — часы, на разговоры — почти ничего.

Я часто думал о причинах твоей смерти. И приходил к горькому выводу: тебе не дали возможности жить. Для системы ты была лишь рабочей единицей — человеком, который должен был работать без выходных, без отпуска, без права на болезнь. Такая судьба была у миллионов.

Но для меня ты всегда была и остаёшься другой. Ты — символ человечности. Добрая мать. Честная, сильная женщина. Человек, который жил ради своих детей.

Я долго не верил, что тебя можно потерять.

Помню, как ты возвращалась поздно вечером — уставшая, измотанная. Делала всё по дому, ложилась, и из комнаты доносились тяжёлые вздохи... иногда тихий плач. Тогда я не понимал. Теперь понимаю слишком хорошо.

Тебя сломала не болезнь. Тебя сломала жизнь. И всё же ты была сильнее этой жизни.

Ты была и остаешься для нас всем.

С годами я всё яснее осознавал: вы с отцом не оставили мне богатства, не дали ни квартир, ни машин. Но вы дали гораздо больше — внутренний стержень. Вы стали для меня нравственным ориентиром, маяком, который не гаснет.

Я старался помогать вам, как мог. Брал на себя часть забот по хозяйству, ухаживал за скотиной. Старался хорошо учиться — и это мне удавалось. Я помню, как радовался, когда вас хвалили на родительских собраниях за отличную учебу и примерное поведение старшего сына. Для меня это было настоящим счастьем.

Ты радовалась нашим успехам и переживала за каждую нашу ошибку. Прости нас за те огорчения, которые мы тебе приносили.

Я все больше и больше понимаю, что мать — это божий дар. Любовь матери бессмертна и бесценна. Твоя смерть в какой-то степени закалила меня, заставила по-другому смотреть на этот мир. Чем больше я выросл, тем больше понимал, что он далеко несправедлив.

Перед отъездом в Германию я приходил на кладбище. У ваших могил выросли три берёзки — крепкие, красивые. Я стоял и думал: жизнь продолжается... но память — нет. Она исчезает, если её не хранить.

Я видел забытые могилы — без имён, без крестов. И понимал, как легко человек может исчезнуть без следа.

Я не позволю этому случиться с тобой.

Пока я жив — ты жива.

Я часто думаю о малой родине. Для меня это не власть и не идеологии. Это ты. Это отец. Это дом. Это земля, где покоятся наши предки.

Малая родина — это душа человека.

Историю нельзя переписывать в угоду времени. Вы жили так, как могли. А мы должны жить так, чтобы не предать вас.

Я хочу, чтобы ты знала. Я прожил жизнь так, чтобы не стыдиться смотреть тебе в глаза — даже через годы и смерть. Я не молчал, когда нужно было говорить. Не склонял голову там, где требовали покорности. Не становился на сторону зла — ни в какой форме. Я старался остаться честным — перед тобой, перед нашими предками и перед теми, кто придёт после нас.

И всё же, мама...

если бы можно было прожить жизнь заново, я бы чаще говорил тебе самые простые слова:

спасибо.

прости.

я люблю тебя.

Твой сын Владимир

Бернбург – мой первый гарнизонный город

Окунуться в жизнь небольшого немецкого городка — той самой страны, которую когда-то считал источником изобилия и даже прообразом коммунистического будущего, — мне хотелось давно. Но всё не складывалось: мешали работа, бытовые заботы, да и литературный труд отнимал немало времени.

Город, где началась моя офицерская биография, я вновь увидел лишь в 2003 году — спустя тридцать лет. Накануне поездки купил в железнодорожной кассе льготный билет выходного дня. Прямой поезд был мне не по карману, поэтому вместо трёх часов скорого пути предстояли девять часов дороги с шестью пересадками — на «попутных» поездах.

Поезд прибыл в Бернбург ровно в три часа дня. С замиранием сердца я ступил на перрон. Глаза невольно увлажнились, когда увидел знакомую вывеску станции. Правда, теперь она выглядела блеклой, местами тронутой ржавчиной.

Я сделал несколько шагов по привокзальной площади, остановился, на мгновение закрыл глаза. Мне почудилось, что где-то рядом стоит тот самый молодой лейтенант — полный надежд, честолюбивых планов и веры в будущее. Но это было лишь краткое наваждение.

Я направился к кирпичному зданию вокзала, открыл дверь и растерялся. Зал для пассажиров встретил своего «земляка» безлюдьем и удушливым запахом. Я бегло посмотрел по сторонам. Возле окна стояли два молодых человека, темнокожие.

Я тяжело вздохнул и направился к ресторану — давал о себе знать голод. Однако его дверь оказалась наглухо заколоченной. Туалет, расположенный напротив, как и тридцать лет назад, тоже был закрыт. Вместо прежней добротной коричневой двери — облупившаяся синяя, с пятнами слезшей краски. Я потянул ручку — заперто.

Недовольный таким «сервисом», я быстро прошёл через зал и вышел в город. Перемены бросались в глаза. Исчезли аккуратные зелёные газоны возле парковки. На противоположной стороне улицы выросло здание банка, которого раньше и в помине не было, а чуть дальше — новая бензоколонка.

Я решил уточнить дорогу к бывшему советскому гарнизону, но прохожие помочь не смогли. Тогда положился на память. Увидев дом культуры, окончательно убедился, что иду верно. Через несколько минут оказался на автовокзале — оттуда до военного городка было рукой подать.

Я шёл медленно, будто перелистывал страницы собственной жизни. И многое вокруг казалось чужим. Когда-то ухоженные булыжные улицы выглядели запущенными. На домах висели объявления о сдаче жилья — по сравнению со Штутгартом цены были в три-четыре раза ниже.

Вот и знакомый крутой поворот, где командиры всегда требовали от военных водителей снижать скорость. Дорога пошла вверх. Я ожидал увидеть высокий забор с колючей проволокой, окружавший городок. Но забора не было. По обе

стороны асфальтированной дороги стояли современные дома, которых прежде не существовало. Исчез и контрольно-пропускной пункт.

Я остановился — сердцем почувствовал: это здесь. На месте бывшего КПП стояли мусорные баки. Рядом с одним из них — мужчина зрелого возраста. Я обратился к нему на ломаном немецком:

— Скажите, пожалуйста, здесь тридцать лет назад находился советский гарнизон? Я не ошибся?

Он ответил по-русски:

— Нет, не ошиблись. Русские стояли здесь. Ушли десять лет назад. Вы как раз на месте бывшего КПП. Я всю жизнь живу рядом, русский выучил неплохо — помог институт.

Немец оказался разговорчивым. Русские, по его словам, покинули город глубокой ночью — без музыки и цветов. С тех пор от военного городка почти ничего не осталось. Лишь несколько офицерских домов были восстановлены.

Поблагодарив собеседника, я направился к дому, где прожил пять лет. Сначала не узнал его: вместо серого фасада — белоснежное здание с просторными балконами, утопающими в цветах. Я обошёл дом несколько раз, любуясь его обновлённым видом. Подъезд был безупречен, на аккуратных табличках — немецкие фамилии.

Я взялся за ручку двери, сжал зубы. На мгновение показалось, что сейчас поднимусь на второй этаж, нажму на звонок и войду в квартиру своей молодости. Но дверь я не открыл. Дом был уже не мой.

Затем я отправился к казармам. В мою бытность их было пять — мощные довоенные здания светло-коричневого цвета, окружённые зелёными насаждениями.

То, что я увидел, поразило меня. Металлические ворота исчезли. Осталась лишь облупленная калитка, на которой ещё угадывались следы старых слоёв краски и едва заметные пятиконечные звёзды.

Я вошёл на территорию. Вместо строевого плаца — зелёное поле, обрамлённое высокими каштанами. Казарм, столовой, офицерского кафе, клубов — ничего не было. Всё словно стёр бульдозер.

Я медленно прошёлся по полю, мысленно восстанавливая расположение зданий. И, к своему удивлению, не ошибся. Этот клочок земли навсегда остался в памяти. Я искал хоть какой-нибудь след прошлого — ложку, котелок, осколок кирпича. Но поле было идеально чистым.

С глазами, полными слёз, подошёл к месту, где стоял офицерский клуб. Ветер колыхал траву, будто зелёное одеяло.

Бывший житель военного городка опустился на землю, затем прилег. Усталость давала о себе знать. Через некоторое время впал в раздумья. Восточные немцы неплохо поработали, чтобы основательно замести следы многолетнего пребывания русских.

Своеобразными памятниками о них остались лишь одни каштаны. Через тридцать лет они превратились в мощных богатырей, к которым не прикасались ни пилы, ни топоры. Я встал и неспеша подошел к некогда любимому, он стоял напротив казармы моего батальона. Я проходил мимо него несколько раз в день, как правило, утром и вечером, когда приходил в казарму и уходил домой. Я подошел к «сослуживцу» и слегка погладил его ствол. Нисколько не сомневался, что каштан-исполин, куда больше знал о жизни полка, чем я.

С грустью покидал я бывший военный городок. На пути к вокзалу, перед мостом через реку Зале, зашёл в небольшой ресторан и заказал большой бокал пива. Осушил его почти залпом. Пиво было холодным и вкусным — как тридцать лет назад.

В поезде, идущем на юг Германии, я заснул. И во сне мне слышался мощный хор двухтысячной армии молодых солдат, поющих: «Наш полк, наш полк, полк мотострелковый...»

Только своего голоса в этом хоре я почему-то не слышал.

Владимир Великий (Яшин, Коза), писатель, историк, публицист

Штутгарт, 2026 год

Оборотная сторона обложки

Владимир Великий родился 25 сентября 1950 года в деревне Драгунка Называевского района Омской области РСФСР. С 26 декабря 1999 года живет в Германии, в Штутгарте.

Жизненный путь доктора истории, писателя и публициста есть повседневное творчество, творчество многоплановое.

Он автор и соавтор многих книг, написал около двадцати научных работ. Он также имеет много публикаций в периодической печати. Издал 10 романов.

Жизнь В. Великого была одновременно и тернистой. Его попытка выступить против устоев тоталитарного режима в СССР закончилась трагически. Его насильно упрятали в психушку. Многие годы он находился под контролем партийных и других органов.

Любовь и ненависть

Он любит её. Она его — нет.

Они становятся мужем и женой, но вместо счастья их жизнь наполняют боль, ненависть и месть. Николай пытается сохранить любовь и семью, Ирина разрушает всё, что связывает их.

Проходят годы и десятилетия. Они расстаются, но прошлое не отпускает. Потому что там, где любовь однажды встретилась с ненавистью, поставить точку бывает невозможно.